

БЕСТСЕЛЛЕР SUNDAY TIMES

ПАРА ИЗ ДОМА №9

Это был дом
их мечты...

КЛЭР ДУГЛАС

Клэр Дуглас
Пара из дома номер 9
Серия «Главный триллер года»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69584905
Пара из дома номер 9: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-188190-0

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР SUNDAY TIMES.

БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON #1.

#128 СРЕДИ ВСЕХ КНИГ НА БРИТАНСКОМ АМАЗОНЕ.

Наследство – это не всегда хорошо. Особенно если дом, который ты наследуешь, скрывает ужасные тайны...

Жертвы

Когда беременная Саффи Катлер и ее муж Том получили в наследство дом номер 9 по Скелтон-Плейс, они думали, что это – дом их мечты. И уж точно последнее, чего они ожидали – найти человеческие останки, закопанные в саду на заднем дворе. Точнее, останки двух тел. Мужчины и женщины...

Расследование

Судебно-медицинская экспертиза показала, что тела были захоронены не менее тридцати лет назад и... это убийство. Полицейские просят Саффи поговорить с бывшим владельцем

коттеджа – ее бабушкой Роуз, проживающей в доме престарелых...

Свидетель

Вот только у Роуз болезнь Альцгеймера. Ее сознание медленно угасает, она почти ничего не помнит и не может помочь полиции. И все-таки старушка явно что-то знает...

Убийца

По мере того, как фрагментарные воспоминания Роуз всплывают на поверхность, а полиция копает все глубже, Саффи понимает, что за ней и ее домом следят. Кто-то очень опасный...

Правда

Что же произошло тридцать лет назад? Кто эти жертвы? Какую роль в этом деле сыграла Роуз? И какая опасность грозит Саффи сейчас?

«Просто мороз по коже». – Sunday Times

«Очень понравится поклонникам романа “Девушка в поезде”». – Marie Clair

«Очень напряженно и закрученно». – Б.Э. Пэрис

«Закрученно, будоражаще и очень реально». – Джиллиан Макаллистер

Содержание

Часть I	6
1	6
2	11
3	28
4	41
5	49
6	56
7	66
8	77
9	89
10	98
Часть II	103
11	103
12	112
13	122
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Клэр Дуглас

Пара из дома номер 9

Claire Douglas

THE COUPLE AT NO. 9

The Couple at № 9 Copyright © Claire Douglas, 2021.

All rights reserved.

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть I

1

Саффи

Апрель 2018 года

Я сижу в саду перед домом, выпалывая сорняки, которые лезут из-за краев подъездной дорожки, словно огромные пауки, и слышу крики – низкие и утробные. Строители орудуют механическим копателем в саду с обратной стороны дома. Все утро, пока подстригала розовый куст под окном гостиной, я слышала ритмичные удары, похожие на неотступную головную боль, – их доносил ветер с той стороны. Но сейчас они умолкли. Этого достаточно, чтобы заставить мое сердце забиться чаще. Снежок – бабушкин маленький уэстхайленд-терьер, лежащий рядом со мной, – настораживает уши. Я поворачиваюсь к коттеджу, чувствуя, как пот стекает у меня между лопаток. Что-то случилось? Я представляю себе вывернутые суставы и сочащуюся кровь – резкий кон-

траст с синим небом и ослепительным светом солнца, – и в желудке у меня словно образуется камень. У меня и в лучшие-то времена пищеварение не было идеальным, но на четырнадцатой неделе беременности я по-прежнему страдаю утренней тошнотой – точнее, утренней, дневной и вечерней.

Встаю, мимоходом глянув на пятна грязи на коленях моих джинсов – эти джинсы мне все еще по размеру, хотя пояс сделался тесноват. Прикусив внутреннюю поверхность щек, я собираюсь с силами, мысленно браня себя за нерешительность. Снежок тоже встает, уши его по-прежнему настрожены; он коротко гавкает, когда один из строителей – Джонти, молодой красавчик, – неожиданно появляется из-за угла дома. Он бежит ко мне, размахивая бейсболкой, чтобы привлечь мое внимание, на его футболке под мышками темнеют пятна пота, песочно-белокурые локоны подрагивают на каждом шагу.

Черт, он собирается сообщить мне о каком-то несчастном случае... Я подавляю желание броситься в противоположную сторону и вместо этого заслоняю глаза от солнца, ярко озаряющего сад и черепичную крышу дома. Джонти, похоже, цел и невредим, но, когда он подбегает ближе, я вижу на его веснушчатом лице потрясение.

– Кто-нибудь поранился? – спрашиваю я, стараясь, чтобы паника не просочилась в мой голос. О боже, мне придется звонить в «скорую помощь»! Я никогда в жизни не набирала номер 999. И мне становится нехорошо при виде крови.

В детстве я собиралась стать медсестрой – до тех пор, пока не упала в обморок при виде колена моей лучшей подруги, разбитого при падении с велосипеда.

– Нет. Извините, что беспокою вас, – выговаривает он, тяжело дыша, так что слова буквально налезают одно на другое, – но мы нашли кое-что. Вам лучше взглянуть. Быстрее.

Я роняю свои хозяйственные перчатки на траву и вслед за ним иду вокруг дома, гадая, что бы это могло быть. Снежок следует за мной по пятам. Может быть, они нашли сокровище? Какой-нибудь реликт, который можно выставить в музее? Но эти крики!.. В них не слышалось радости от обнаружения чего-то ценного. В этих криках звучал страх.

Я жалею, что здесь нет Тома. Мне неуютно общаться со строителями, пока он на работе: они постоянно задают вопросы, ожидая, что я приму решения, в которых могу ошибиться; к тому же я никогда не умела командовать. Нам с Томом по двадцать четыре года, мы три года назад окончили университет. Все это – переезд из квартиры в Кройтоне в старинного вида деревню Беггарс-Нук в Котсуолде, в коттедж с видом на лес, – случилось ужасно неожиданно. Подарок-сюрприз.

Джонти ведет меня в сад позади дома. До прихода строителей этот сад выглядел идилически: разросшийся кустарник, жимолость, обвившаяся вокруг шпалер, а в дальнем углу – альпийская горка, заросшая анютиными глазками всех оттенков розового и фиолетового. Теперь здесь торчит урод-

ливый оранжевый копатель, окруженный высокими грудями земли. Двое других строителей – Даррен, примерно тридцати пяти лет, с хипстерской бородой, начальник этой бригады, судя по его уверенному поведению, и Карл, примерно моего возраста, мускулистый, как игрок в регби, – смотрят вниз, в яму, которую они выкопали. Руки их уперты в бока, тяжелые ботинки утопают в рыхлой почве. Они совершенно синхронно поворачивают головы, когда я подхожу ближе. На их лицах отражен одинаково сильный шок, но в глазах Карла сверкает что-то похожее на возбуждение. Я прослеживаю его взгляд и замечаю в почве проблеск чего-то желтовато-белого, торчащего, словно осколок фарфора. Инстинктивно опускаю руку и хватаю Снежка за ошейник, чтобы помешать ему прыгнуть в яму.

– Когда мы копали, мы нашли... *что-то*, – произносит Даррен, складывая руки на груди, обтянутой испачканной футболкой.

– Что? – Снежок рвется у меня из рук, и я усиливаю хватку.

– Останки. – Лицо Даррена мрачнеет.

– Останки... животного? – спрашиваю я. Даррен и остальные переглядываются.

Карл выходит вперед – уверенно, почти ликующе, от его шагов с земли поднимается пыль.

– Это похоже на руку...

Я в ужасе отшатываюсь назад.

– Вы хотите сказать... это человек?

Даррен смотрит на меня с сочувствием.

– Думаю, да. Вам лучше позвонить в полицию.

2

Том приезжает домой через два часа, и все это время я неустанно продолжаю расхаживать по нашей крошечной кухне. Она выглядит как реликт восьмидесятих годов двадцатого века: с типично фермерской обстановкой и изображениями толстеньких свиней и овец на настенной плитке. Нам удалось втиснуть сюда дубовый стол из нашей квартиры, хотя мы можем выдвинуть из-под него только два стула из четырех. Вскоре после переезда, в феврале, мы устроили домашнее «заседание» с архитектором, невысоким лысеющим мужчиной лет шестидесяти по имени Клайв, – у него хорошая репутация среди местных жителей. Совместно мы спланировали изменения в этой части дома: кухня должна быть увеличена на всю ширину коттеджа, в большой сад будет выходить окно во всю стену, в стальном переплете и с отдельной дверью. И, если честно, это отвлекло меня от беременности, которая до сих пор вызывает у меня тревогу, хотя я прошла обследование на сроке в двенадцать недель и все, похоже, нормально. Но меня терзают сомнения. Что, если у меня случится выкидыш? Что, если у ребенка случится задержка роста, или он родится слишком рано, или вообще мертвым? Что, если я не смогу справиться с появлением ребенка на свет или буду страдать от послеродовой депрессии? Беременность не была запланированной. Мы с Томом го-

ворили об этом вскользь – «возможно, через пару лет, после свадьбы», – но мы были в самом начале своего карьерного роста и откладывали деньги на депозит, чтобы купить собственную квартиру. Дети и свадьбы были для нас каким-то далеким событием – когда мы станем старше. Когда мы станем взрослыми. Но я заболела желудочным гриппом и забыла принять дополнительные меры предохранения. И вот к чему привела эта оплошность. *Ребенок*. Я буду молодой мамой, хотя и старше, чем была моя собственная мама, когда я появилась на свет.

Снежок валяется на своей лежанке у плиты, положив голову на лапы, и наблюдает за тем, как я расхаживаю по кухне. Сквозь окно в свинцовом переплете вижу суету на заднем дворе. На половину лужайки растянута огромная белая палатка; туда то входят, то выходят полицейские и люди в защитных комбинезонах криминалистов, у одного офицера на шее висит фотокамера. Вокруг палатки натянута яркая желтая лента, трепещущая на легком ветерке. По всей ее длине напечатана надпись «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН», и каждый раз, когда она попадает на глаза, я чувствую тошноту. Она может выглядеть как реквизит из криминальной драмы, идущей по телевизору, но само ее присутствие подчеркивает реальность ситуации. Я была удивлена (и, честно сказать, немного горда) тем, как быстро я взяла ситуацию под контроль, едва оправившись от шока. Сначала позвонила в полицию, а затем, после того как

все дали показания, отправила строителей домой, сказав, что сообщу им, когда они смогут возобновить работу, хотя мое сердце все это время неистово колотилось. Затем я позвонила Тому в его лондонский офис; он сказал, что приедет домой ближайшим поездом.

Я слышу, как «Ламбретта»¹ Тома подъезжает к крыльцу; он всегда хотел такой мотороллер и купил себе его – правда, подержанный, – когда мы переехали сюда. Он ездит на нем на станцию и обратно. Это дешевле, чем содержать две машины, – ведь все свободные деньги, которые мы накопили, ушли на расширение дома.

Потом хлопает входная дверь. Том вбегает на кухню, его лицо выражает сильное беспокойство. На нем очки в модной черной оправе, которые он купил, когда начал работать в финансовом отделе технологической компании больше года назад. Том считает, что они придают ему больше серьезности. На лицо падает светло-русовая челка, джинсы плохо сочетаются с льняной рубашкой и с пиджаком. Что бы он ни надел, все равно будет выглядеть как студент. От него пахнет Лондоном – дымом, поездами, латте навынос и чужими дорогими запахами. Снежок вьется вокруг наших ног, и Том наклоняется, чтобы рассеянно погладить его, но все его внимание приковано ко мне.

– О господи, с тобой все хорошо? Такой шок... как ребенок? – спрашивает он, выпрямляясь.

¹ «Ламбретта» – знаменитая марка итальянских мотороллеров.

– Все в порядке. Мы в полном порядке, – отвечаю я, защитным жестом кладя ладони на свой живот. – Полиция все еще в саду. Они опросили меня и строителей, а теперь повесили ограждающую ленту, поставили палатку и все такое.

– Черт. – Том смотрит мимо меня в окно, на то, что творится в саду, и выражение его лица на несколько секунд делается мрачным. Затем он поворачивается ко мне. – Они что-нибудь сообщили тебе?

– Совсем немного. Это человеческий скелет. Кто знает, как долго он там пролежал... Насколько я знаю, ему может быть несколько сотен лет.

– Или он мог остаться со времен римского владычества, – говорит Том, криво улыбаясь.

– Вот именно. Возможно, он лежал здесь еще до того, как построили Скелтон-Плейс. То есть до... – Я хмурюсь, понимая, что не могу вспомнить дату.

– Тысяча восемьсот пятьдесят пятого года. – Конечно, Том это знает. Ему достаточно прочитать что-то один раз, чтобы запомнить. На викторинах он всегда первым отвечает на вопросы в разделе «Общеизвестные» и постоянно ищет всякие мелкие факты на своем смартфоне. Он – полная противоположность мне: спокойный, прагматичный, никогда не реагирует на что-либо слишком остро. – Хотя это выглядит достаточно серьезно, – вслух размышляет Том, не отрывая взгляда от того, что творится в саду.

Я смотрю туда же. Появляются еще несколько полицей-

ских с поисковыми собаками на поводках. Неужели следователи подозревают, что здесь есть еще трупы? Мой желудок сжимается.

Том снова поворачивается ко мне, его голос серьезен.

– Мы уж точно не ожидали такого, когда переехали в деревню.

Несколько секунд мы молчим, потом начинаем нервно смеяться.

– О господи, – говорю я, прервавшись. – Мне кажется, сейчас не время для смеха. Все-таки это была чья-то смерть...

Но эти слова вызывают у нас новый приступ хохота.

Многозначительное покашливание заставляет нас умолкнуть, и, повернувшись, мы видим женщину-полицейского в форме, стоящую у задней двери. Это дверь сделана в «конюшенном» стиле², и сейчас открыта только верхняя половина, поэтому женщина, по пояс скрытая нижней половиной двери, выглядит так, будто собирается показать кукольное представление. Да и смотрит она на нас словно на непослушных школьников. Снежок начинает лаять на нее.

– Спокойно, все хорошо, – говорит Том, обращаясь к псу.

– Извините, что вмешиваюсь, – говорит женщина, однако, судя по ее виду, это извинение – просто формальность. – Я стучала, но никто не ответил. – Она открывает нижнюю половину двери и теперь стоит на пороге во весь рост.

² «Конюшенный» стиль – конструкция двери, при которой верхняя и нижняя половины открываются раздельно, как в стойле.

– Ничего страшного, – отзывается Том и отпускает Снежка, который тут же бросается к женщине, чтобы обнюхать ее брюки. С легким раздражением та отодвигает его ногой.

– Полицейский констебль Аманда Прайс. – Она старше нас лет на пятнадцать, с темными волосами и пронзительными голубыми глазами. – Могу я получить подтверждение того, что вы являетесь владельцами этого дома? Том Перкинс и Саффрон Катлер?

Формально владелица – моя мать, но я не хочу усложнять ситуацию упоминанием об этом.

– Да, – подтверждает Том, выразительно взглянув на меня. – Это наш коттедж.

– Тогда все верно, – констебль Прайс кивает. – Боюсь, нам придется немного задержаться здесь. Есть ли кто-нибудь, у кого вы могли бы остановиться на ночь? Может быть, на выходные?

Я думаю о Таре, которая сейчас живет в Лондоне, и о моей школьной подруге Бет, в Кенте. Друзья Тома проживают либо в Пуле, откуда он родом, либо в Кройдоне.

– Мы живем здесь совсем недолго, у нас еще нет друзей поблизости, – отвечаю я, и это заставляет меня задуматься о том, насколько мы изолированы здесь, в этой деревне в самой глуши.

– Ваши родители живут поблизости?

Том качает головой.

– Мои родители в Пуле, а мама Саффи в Испании.

– Мой папа живет в Лондоне, – добавляю я. – Но у него только двухкомнатная квартира...

Констебль хмурится, словно считает все эти сведения совершенно излишними.

– Тогда позвольте предложить вам временно переехать в гостиницу, только до воскресенья. Полиция оплатит вам расходы за причиненные неудобства. Это только на то время, пока на месте преступления идут раскопки.

Слова «место преступления» и «раскопки» вызывают у меня тошноту.

– Когда можно будет возобновить строительство? – спрашивает Том.

Констебль вздыхает, как будто этот вопрос совершенно неуместен.

– Боюсь, вы не сможете пользоваться этим садом, пока не закончатся раскопки и вывоз скелета. Вам придется подождать, пока не поступят сведения из SOCO. Из отдела следственной криминалистики, – уточняет она, когда мы смотрим на нее с озадаченным выражением лица.

– Так вы считаете, что это преступление? – спрашиваю я, бросая на Тома обеспокоенный взгляд. Он пытается улыбнуться мне, чтобы успокоить, но эта улыбка напоминает гримасу.

– Мы рассматриваем это как место преступления, именно так, – говорит Прайс, как будто считает меня невероятно глупой. Но никакой другой информации она нам не дает, и

я чувствую, что спрашивать бесполезно.

– Мы живем здесь всего несколько месяцев, – повторяю я, считая необходимым объяснить это – на случай, если суровая дама-офицер решит, будто мы могли иметь к этому какое-то отношение... будто у нас есть привычка прятать трупы в саду. – Он мог лежать здесь годами... столетиями, возможно...

Но выражение ее лица заставляет меня умолкнуть.

Констебль Прайс поджимает губы.

– Я не имею права сообщать сейчас что-либо еще. Криминалисты дали запрос на присутствие судебного антрополога, дабы подтвердить, что кости человеческие. Мы будем держать вас в курсе.

Я думаю о руке, которую видел Карл, – по его собственным словам. Вряд ли приходится сомневаться в том, что останки человеческие. После нескольких секунд неловкого молчания констебль Прайс собирается уходить. Затем останавливается, как будто что-то внезапно вспомнив.

– Ах да, и не могли бы вы покинуть этот дом в течение часа, будьте так любезны?

Мы смотрим, как она выходит в сад на нашем заднем дворе, в этот ужасный мир полицейской криминалистики, и я стараюсь не заплакать. Том молча берет меня за руку, будто не находя слов утешения.

И вдруг до меня доходит, что это действительно происходит. Дом нашей мечты, наш прекрасный коттедж, теперь стал местом преступления.

К счастью, в деревенской гостинице «Олень и фазан» есть свободный номер, где мы можем остановиться, и туда можно заселяться с собаками. Каждый из нас собирает себе одну сумку с вещами, и Том настаивает на том, чтобы нести обе, а я беру Снежка на поводок.

Хозяйка гостиницы Сандра Оуэнс смотрит на нас вопросительно.

– Но ведь вы же новые владельцы коттеджа Скелтон-Плейс, разве не так? – спрашивает она, когда мы заходим поесть в паб при гостинице. После переезда в Беггарс-Нук мы были в пабе всего один раз, и то на обеде в воскресенье в прошлом месяце. На нас произвели глубокое впечатление стены, со вкусом выкрашенные в бледно-зеленый цвет краской «Фарроу энд Болл»³, типичная сельская мебель и вкусная домашняя еда. Очевидно, что паб был заново отремонтирован, когда пять лет назад он перешел в собственность Оуэнсов.

Я не знаю, что сказать. Как только новость станет известна хоть кому-нибудь, она разойдется по всей деревне.

– У нас возникли небольшие проблемы со стройкой, – отвечает Том нейтрально-вежливым тоном, – поэтому мы ре-

³ «Фарроу энд Болл» – известная фирма по производству качественной краски и обоев.

шили переехать на несколько ночей, пока все не уладится.

– Ясно, – кивает Сандра, хотя ее слова Тома, похоже, не убедили. Ей около пятидесяти лет, и она выглядит достаточно привлекательно; носит мелированную прическу каре и элегантные платья. Пройдет не так много времени, прежде чем Сандра узнает правду, но никто из нас не хочет говорить ей об этом сегодня вечером. На меня наваливается усталость, хотя нет даже семи часов вечера, еще светло. Я просто хочу заползти в постель.

Сандра провожает нас в двухместный номер, маленький и уютный, с видом на лес из заднего окна.

– Завтрак с семи тридцати до десяти, – сообщает она, прежде чем уйти.

Том стоит возле чайного уголка и смотрит сквозь окно на деревья вдалеке.

– Я не могу в это поверить, – говорит он, не оборачиваясь ко мне.

Я растягиваюсь на кровати – это красивое ложе с балдахинном, на четырех высоких ножках, со стеганым покрывалом в темных тонах. При других обстоятельствах пребывание здесь было бы для нас праздником. Мы не отдыхали уже целую вечность – все наши деньги за последние пять месяцев были отложены на расширение дома, – но сейчас этот «праздник» испорчен, омрачен раскопками в коттедже. Каждый раз, когда я вспоминаю об этом, мне становится плохо.

Снежок запрыгивает на кровать рядом со мной, кладет го-

лову мне на колени и смотрит на меня проникновенными карими глазами.

– Не могу поверить, что нас выставили из собственного дома, – говорю я, глядя Снежка по голове. Затем натягиваю на себя кардиган. Становится прохладно, а может быть, меня знобит от потрясения.

Том щелкает кнопкой на маленьком пластмассовом чайнике, затем залезает к нам на кровать. Матрас мягче, чем у нас дома.

– Я знаю. Но все будет хорошо, – говорит мой муж с неизбывным оптимизмом. – Скоро мы возобновим строительство, и все вернется на круги своя.

Я прижимаюсь к нему, отчаянно желая верить в его слова.

* * *

Мы подавляем острое желание пройти мимо коттеджа. Вместо этого проводим нежданные свободные дни либо в пабе, либо в долгих прогулках по деревне и лесу.

– По крайней мере, я пока могу отдохнуть от отделки дома, – говорит Том в субботу, когда мы идем по деревенской площади, и берет меня под руку. Он так много сделал в коттедже с тех пор, как мы переехали: убрал истертый до ниток ковер на лестнице, покрасил гостиную и нашу спальню в красивый серо-голубой цвет, отциклевал пол... Впослед-

ствии он хочет снять обои в маленькой спальне, чтобы отделать ее к рождению ребенка, хотя он откладывал это до проверки моей беременности на двенадцатой неделе, чтобы не искушать судьбу.

Когда мы возвращаемся в воскресенье после обеда, с сумками и собакой – как гости в собственном доме, – у меня замирает сердце. Полицейские машины и фургоны все еще припаркованы на нашей подъездной дорожке. Другой офицер в форме – на этот раз мужчина средних лет – сообщает нам, что они должны закончить раскопки к концу дня и нам разрешено находиться в коттедже, но нельзя выходить в сад, пока они не закончат. Интересно, обыскали ли они дом изнутри? От этой мысли мне становится не по себе: не хочется думать о том, что полиция рылась в наших вещах. Когда я делюсь этими опасениями с Томом, он заверяет меня, что полицейские сказали бы нам, если бы собирались это сделать.

Остаток дня мы с мужем скрываемся.

– Интересно, что думают об этом соседи? – вслух размышляю я, стоя у окна, потягивая чай без кофеина и думая о пожилой чете, Джеке и Бренде, – они живут по соседству. Их участок отделен от нашего живой изгородью, но Бренда отличается скромностью, доходящей до пуританства, и, когда Клайв представил планы по расширению кухни, эти двое выступили против.

В конце нашей подъездной дорожки собралась небольшая толпа, лишь частично скрытая полицейскими машинами.

– Держу пари, это журналисты, – замечает Том, глядя на них поверх моего плеча и крепко сжимая в руке кружку. – Ты не хочешь позвонить своему отцу и посоветоваться?

Мой отец – главный репортер одного из национальных таблоидов. Я мрачно киваю. Чувствую себя такой же незащищенной, как если бы кто-то сорвал крышу с нашего дома.

– Это кошмар, – бормочу я. На этот раз Том не пытается разуверить меня. Вместо этого он мрачно молчит, потягивая свой кофе и играя желваками.

* * *

Позже я звоню отцу, чтобы спросить его совета.

– Вот как, ты не хочешь поделиться эксклюзивным материалом со старым отцом? – убийственно-серьезно шутит он.

Я смеюсь.

– Я ничего не знаю! Все еще может оказаться, что этому скелету сотни лет.

– Ну, на тот случай если это не так, я должен предупредить тебя: как только полиция подтвердит факт преступления и опознает тело, на вас набросится толпа журналигов.

– Может, нам съехать? – Хотя, произнося эти слова, я понятия не имею, куда мы можем поехать. Мы не можем позволить себе гостиницу. Я хотела бы, чтобы папа жил поближе. Или мама, но она еще дальше.

– Нет. Нет, не надо. Просто будь готова, вот и все. И если

тебе что-нибудь понадобится – информация или совет, – дай мне знать.

Судя по звонкам телефонов на заднем плане и общему шуму – кто-то разговаривает, кто-то перемещается и скрипит стулом, – папа сейчас у себя в редакции.

– Ваша контора пришлет сюда кого-нибудь?

– Я думаю, пока что мы будем пользоваться услугами пресс-агентства. Но если вы собираетесь общаться с прессой, не забудьте обо мне, ладно? Серьезно, Сафф, если будут какие-то сложности – с полицией или репортерами, – сначала обратись ко мне.

– Спасибо, папа, – говорю я, чувствуя себя уже спокойнее. Мой отец всегда умел дать мне понять, что я в безопасности.

* * *

На следующее утро полиция убирает палатку и ограждающую ленту, и мы с Томом в ужасе смотрим на огромную яму, оставшуюся в саду после раскопок. Она в четыре раза больше, чем та, которую оставили строители. Том спрашивает своего босса, можно ли несколько дней поработать из дома, и все эти дни мы стараемся избегать журналистов, которые все еще болтаются вокруг участка.

И вот в среду – в день возвращения Тома на работу – мне звонят из полиции.

– Боюсь, новости не очень хорошие, – сообщает хрипло-

ватым голосом детектив-мужчина, имя которого тут же выпадает из моей памяти.

Я замираю в ожидании.

– Найдены два трупа.

Я едва не роняю телефон.

– Два трупа?

– Боюсь, что дело обстоит именно так. Все кости были извлечены, и криминалисты смогли определить, что один из покойных – мужчина, а другой – женщина. Мы также можем определить возраст жертв на основе формирования и изменения костей. Обеим жертвам было от тридцати до сорока пяти лет.

Я не могу говорить, тошнота подступает к горлу.

– С прискорбием должен сообщить, – продолжает он, – что женщина умерла от травмы головы, нанесенной тупым предметом. Мы все еще пытаемся установить, как умер мужчина. Разложение тканей усложняет задачу. В случае со скелетом женщины это было более очевидно из-за перелома костей черепа.

Я зажмуриваю глаза, стараясь не представлять себе этого.

– Это... это ужасно. – Я едва могу осознать сказанное. – Вы... вы уверены, что других тел здесь нет?

Я вдруг представляю себе, как весь сад перекапывают, чтобы обнаружить братскую могилу, и содрогаюсь от этой мысли. На ум приходят другие «дома ужасов», как их пышно описывает пресса, – номер 25 по Кромвель-стрит и фер-

ма Уайтхаус⁴. Станет ли наш коттедж таким же печально известным? Неужели мы застрянем здесь навсегда и никто никогда не захочет его купить? Мое сердце начинает отчаянно колотиться, и я сглатываю, пытаюсь сосредоточиться на том, что говорит детектив.

– Мы проверяли с поисковыми собаками. И уверены, что других трупов там нет.

– Как... как давно были закопаны эти тела?

– Пока что мы не можем сказать с полной уверенностью. Почва в вашем саду отличается высокой щелочностью, в итоге часть одежды и обуви осталась в сохранности, но мы думаем, что погребены они были не ранее тысяча девятьсот семидесятого года, а судя по разложению – не позднее тысяча девятьсот девяностого года.

По моей спине бегут мурашки. Два человека были убиты в моем доме. *В моем идиллическом коттедже*. Все вдруг внезапно становится каким-то нереально мрачным, как в фильме ужасов.

– И, конечно, мы должны поговорить со всеми, кто жил в доме с семидесятого по девяностый год, – продолжает детектив. – Боюсь, что нам необходимо побеседовать с миссис Роуз Грей, поскольку предыдущей владелицей коттеджа была именно она.

Комната перед моими глазами кренится куда-то вбок.

⁴ Имеются в виду места в Англии, где в различное время происходили серии кровавых убийств.

Роуз Грей – моя бабушка.

Май 2018 года

Я не могу перестать думать о трупах. Я думаю об этом, когда вывожу Снежку на ежедневные прогулки по деревне, когда смотрю телевизор с Томом, когда работаю над проектом в крошечной комнате с цветастыми обоями – по моде 70-х годов – в передней части коттеджа: эту комнатку я использую как свой домашний кабинет.

Новости не сразу разлетелись по деревне, и, хотя прошло уже более десяти дней после раскопок, люди все еще строят догадки. Они не знают о том, как и когда погибли жертвы, но когда я заходила в бакалейный магазин, слышала, как старая миссис Макналти сплетничала об этом с одной из своих пожилых подруг – сутулой женщиной в платке, с клетчатой сумкой на колесиках.

– Я не могу представить, чтобы в этом были виноваты Тернеры, – говорила эта женщина. – Они жили там много лет. Миссис Тернер всегда была очень застенчивой.

– А с другой стороны, – миссис Макналти понизила голос, ее маленькие глазки вспыхнули от возбуждения, – разве ты не помнишь, что там произошло несколько лет назад? То дельце с племянником ее мужа и крадеными вещами?

– О да, я помню. Ну, они действительно уехали в спешке, – сказала женщина в платке. – Когда это было? Два года назад, верно? И я слышала, что они оставили коттедж в несколько плачевном состоянии. – Она понизила голос. – По всей видимости, они любили всякое старье. Хотя сад поддерживали в порядке. Миссис Тернер сажала тюльпаны, гиацинты... в общем, всякие луковичные цветы.

– А теперь появились эти молодые люди...

– Я слышала, что коттедж они получили *здарма*. Видать, в наследство.

– Для некоторых это нормально.

Ощущая, как горят мои щеки, я поставила банку с тушеными бобами обратно на полку и вышла из магазина, пока они меня не заметили.

И вот сейчас я беру свой кардиган со спинки стула. Сегодня прохладно, солнце едва пробивается сквозь тучи, и я наклоняюсь над лежанкой Снежка, чтобы поцеловать его в пушистую макушку.

– До встречи, малыш.

Сегодня я заканчиваю работу пораньше – как это бывает каждый четверг, – чтобы навестить бабушку. Я чувствую укол вины, когда вспоминаю, что на прошлой неделе я пропустила свой визит к ней из-за прессы, толпящейся у нашего дома. Однако нынешний четверг будет не таким, как предыдущие. Сегодня, сидя напротив бабушки, я буду гадать о том, что произошло много лет назад. Каким образом два челове-

ка оказались убиты и похоронены в ее саду?

* * *

Усыпанная гравием дорожка хрустит под моими потрепанными желтыми кедами «Конверс», когда я бегу к своему «Мини Куперу». На мне джинсовый полукомбинезон с подвернутыми штанинами. В нем гораздо удобнее сейчас, когда мой живот начал увеличиваться. Я на шестнадцатой неделе беременности, и это уже можно заметить. Хотя на беременность это непохоже – скорее на вздутие от несварения желудка. Я зачесала свои темные волосы назад и стянула их желтой резинкой, в тон кедам. Моя мама всегда воротит нос от моей коллекции резинок. «Это такие... *восемьдесятые годы*, – фыркает она, закатывая глаза. – Не могу поверить, что они вернулись». Я не видела ее с Рождества, и тогда все обернулось не очень хорошо – из-за грубости Альберто, ее нынешнего мужчины. Недели летят незаметно, и я до сих пор не сообщила ей, что она станет бабушкой. Каждый раз, когда я думаю о том, чтобы сказать ей, так и вижу ее недовольное лицо.

Садясь за руль, я замечаю мужчину, который стоит на дорожке, частично скрытый передней стеной сада, и смотрит на коттедж. Он коренастый, с лицом как у бульдога, лет пятидесяти с виду, на нем джинсы и куртка из вошеной ткани. Заметив меня, мужчина отступает назад. Он фотографиро-

вал коттедж? Наверное, это еще один журналист. Большинство из них на данный момент ретировались – до тех пор, пока не появится новая информация. Но время от времени кто-нибудь из них возникает в округе, как сорняк в моем палисаднике. В субботу, когда мы шли по подъездной дорожке, чтобы вывести Снежку на прогулку, прямо перед нами выскочил журналист, загородив нам дорогу и сфотографировав нас. Том был в ярости и осыпал его бранью, пока тот бежал обратно к своей машине.

Покидаю подъездную дорожку и медленно проезжаю мимо мужчины, стараясь оставить достаточно места, чтобы ему не пришлось вжиматься в живую изгородь. Но в этот момент я замечаю, что он смотрит на меня пристальным взглядом – настолько пристальным, что это меня потрясает. В зеркале заднего вида я наблюдаю, как незнакомец садится в черный седан, припаркованный дальше по холму, рядом с домом номер восемь.

Том вчера пришел с работы и рассказал, что заметил статью о трупах в саду в газете «Сан», которую кто-то оставил в метро. Там был сенсационный заголовок, в котором обыгрывалось сочетание слов «скелеты» и «Скелтон-Плейс»; а еще фотография, которую в субботу сделал тот наглый журналист: на ней были запечатлены мы с изумленными лицами.

– О боже, Том, – выговорила я, чувствуя, как от страха кровь стучит в висках. – Они собираются сказать, что мы –

ответ Уилтшира Фреду и Розмари Уэст⁵!

Он от души рассмеялся.

– Нет, не скажут. Это случилось по меньшей мере тридцать лет назад. Мы с тобой тогда даже не родились.

Но моя бабушка уже родилась.

Я вытесняю из головы мысли об этом человеке, пока еду вниз с холма и проезжаю мимо «Оленя и фазана» у его подножия. Вместо этого старательно думаю о том, как спокойно в Беггарс-Нук с его красивыми старыми зданиями из котсуолдского камня. Проезжаю через деревенскую площадь, люблюсь «рыночным крестом»⁶, красивой церковью, магазином на углу, кафе и единственным бутиком, где продаются безделушки, открытки и модная дорогая одежда. Все это находится в нескольких минутах ходьбы от коттеджа, в низине, окруженной лесом, где толстые дубы словно тянутся до самого неба. Создается впечатление, что они, как в легенде, прячут деревню от остального мира. Я переезжаю через мост и продолжаю вести машину по длинной извилистой дороге, по обеим сторонам окаймленной приятного вида каменными домами; в конце дороги раскинулась старая ферма. Все это так сильно отличается от плотно застроенного Кройдона – и здесь так мирно... Или мне так казалось. Теперь я в этом

⁵ Печально известная английская семейная пара, совершившая серию жестоких убийств.

⁶ «*Рыночный крест*» – сооружение, отмечающее рыночную площадь в тех городах, которым право торговли исторически было пожаловано местным сюзереном.

не настолько уверена.

* * *

Убийства, должно быть, произошли *до того*, как бабушка купила коттедж в 70-х годах двадцатого века. Я знаю, что после переезда в Бристоль она еще несколько десятилетий сдавала его в аренду – эти подробности мы узнали совсем недавно, после того как она попала в дом престарелых. Мы с мамой были несколько удивлены. До этого нам было известно, что бабушка владеет лишь одним домом: рядовым строением из красного кирпича в районе Бишопстон в Бристолле, где выросла мама и где я проводила каждое лето. Бабушка, которая до того, как деменция одолела ее, любила заниматься выпечкой и ухаживать за своими растениями, была спокойной и практичной, никогда не повышала голос. Она была совсем не такой, как мама, у которой короткое терпение и нет фильтра при выборе слов, хотя сейчас ее характер несколько смягчился. Лето с бабушкой, в ее бристольском доме с большим садом и прилегающим участком в конце, было для меня священным временем, отдыхом от мамы и от драмы, которая, казалось, всегда окружала ее.

Я любила бабушкиного Брюса – толстого черного лабрадора с седыми усами (мама никогда не хотела, чтобы мы заводили питомца; она говорила, что от них воняет, но в бабушкином доме никогда не пахло) – и старомодные, удоб-

ные диваны с белыми хлопковыми накидками на подлокотниках, которые бабушка стирала и крахмалила каждую неделю. Мягкие ириски, которые она хранила в жестянке на самом верху шкафа, и сад с проволочной изгородью, отделявшей его от соседей. Жаркий, влажный запах теплицы и кустов томата, растущих в ней. Мне было приятно видеть бабушку в теплице, когда она ухаживала за растениями, тихонько разговаривая с ними, чтобы побудить расти быстрее. Я очень люблю свою маму, но она всегда была (и остается) такой энергичной, такой напористой и демонстративной – яркая одежда, чрезмерная склонность к самовыражению, – что иногда она утомляет меня до полного изнеможения. Я всегда ощущала большее сродство с бабушкой: мы обе любим природу и прогулки на свежем воздухе, мы обе немного отшельницы, предпочитающие одиночество толпам людей.

Бабушка помогла мне почувствовать себя нормальной, когда я призналась, что предпочитаю сидеть дома и смотреть сериал «Жители Ист-Энда», а не играть с другими детьми на свежем воздухе. Она сказала, что нет ничего страшного в том, чтобы не бегать все время по улице и не кричать во все горло. В детстве мама постоянно говорила мне, что я «слишком тихая» и «слишком застенчивая», и спрашивала: «Почему бы тебе не пойти и не пообщаться с другими девочками в твоем классе, вместо того чтобы держаться только за одну подругу?» Но мама – общительная, словно бабочка; она порхает от одной группы друзей к другой с легкостью, которой

я всегда завидовала, даже если не хотела сама быть такой. В результате в детстве я чувствовала себя неловкой и неинтересной, не зная, что сказать. Так было до тех пор, пока в университете я не встретила Тома. Том дал мне почувствовать, что я могу быть собой, и я поняла, что с ним могу быть остроумной и веселой.

По мере того как я приближаюсь к Бристолу, поток машин увеличивается. Дом престарелых, в котором живет бабушка, находится рядом с двухполосной автомагистралью в городке под названием Филтон.

Почти год назад я начала понимать, что с ней что-то не так. Все начиналось достаточно безобидно. Бабушка всегда была немного забывчивой, вечно говорила: «Э-э-э, ты не видела мою сумку?» или «Куда я положила очки?» – с занятным акцентом кокни, от которого так и не отучилась, несмотря на то что уехала из Лондона в двадцать с небольшим лет. Она всегда была очень независимой и практичной. До самого прошлого года бабушка была достаточно сильной и вполне способной сесть на поезд, чтобы навестить меня в Кройдоне, следуя бумажной карте – у нее были старомодный мобильный телефон и атлас, весь исчерканный пометками и всегда лежавший в ее сумочке, – ведя на поводке своего маленького уэстхайленд-терьера Снежка. Она неизменно отказывалась, чтобы я или Том забирали ее с вокзала, несмотря на наши постоянные предложения.

Первым «звоночком» были две поздравительные открыт-

ки, которые бабушка прислала мне на день рождения: одну через несколько дней после другой, как будто она забыла о том, что уже отправила первую. Затем, когда бабушка приехала к нам через несколько месяцев, она показалась мне еще более забывчивой, чем обычно. У нее постоянно вылетало из головы имя Снежка, она забывала выгуливать или кормить его, и мне приходилось напоминать ей или делать это самой. А потом, после того как бабушка прожила у нас несколько дней, она повернулась ко мне и Тому однажды вечером, когда мы смотрели телевизор, и сказала: «Эй, а куда делись другие двое?» От этих слов у меня по позвоночнику пробежала дрожь страха. Потому что никого больше в доме не было. Бабушка сидела с нами весь вечер. И у меня разрывалось сердце при виде того, как она время от времени полностью забывала, кто такие Том или я; ее память то включалась, то пропадала, как неустойчивый сигнал радиоприемника.

В тот приезд стало очевидно, что бабушке тяжело ухаживать за Снежком, поэтому, когда я предложила оставить его у нас, она согласилась. Я скрывала слезы за солнцезащитными очками, глядя, как бабушка садится в поезд без своей любимой собаки, таща за собой чемодан на колесиках, и не переставала волноваться, пока она не позвонила и не сообщила, что благополучно вернулась домой.

Но всего через три дня после этого бабушка позвонила мне в панике и сказала, что потеряла собаку, и мне пришлось

мягко напомнить ей, что Снежок теперь живет со мной и Томом.

Последней каплей, заставившей меня связаться с мамой и все ей рассказать, был звонок от одной из бабушкиных соседок, Эсме.

– С твоей бабушкой неладно, милая, – сказала она. – Она оставила кастрюлю на плите, и вся вода выкипела. Хорошо, что я зашла, а то мог бы сгореть весь дом.

Когда я призналась маме в своих опасениях, она прилетела из Испании и отвезла бабушку к врачу. После этого все произошло быстро – но мама всегда добивалась своего, она была весьма решительным человеком, – и для бабушки был найден частный дом престарелых, недалеко от ее бристольского дома с участком, который навсегда останется в моей памяти священным убежищем.

...Я въезжаю на просторную парковку перед огромным серым зданием в готическом стиле под названием «Элм-Брук» – «Вязовый Ручей», – что делает его больше похожим на санаторий, чем на дом престарелых.

Мама говорила, что раньше он был психушкой с решетками на окнах. Но это милое название – «Вязовый Ручей»... Цены на пребывание в нем можно считать средними, хотя бабушке все равно пришлось продать дом, чтобы заплатить за свое проживание здесь. Я сглотнула комок в горле, вспомнив, как чувствовала себя, когда собирала ее вещи, чтобы освободить бристольский дом.

В ноябре прошлого года у бабушки случилось одно из самых долгих просветлений в памяти, и она рассказала нам с мамой о коттедже. Тогда мы впервые узнали о его существовании.

– Он оформлен на твое имя, Лорна, – прошептала бабушка, подавшись вперед в своем кресле с высокой спинкой и держа маму за руку. – Я подписала все документы десять лет назад.

Я поразилась бабушкиной предусмотрительности. Поскольку коттедж был записан на мамино имя, его не пришлось бы продавать, чтобы оплатить бабушкин уход.

После этого, когда мы с мамой стояли возле дома престарелых и прощались, мама, дрожа от холода в своем ярко-оранжевом пальто, повернулась ко мне и сказала:

– Я всегда знала, что моя мать – хитрая бестия, которая постоянно копит денежки. Она наверняка купила этот коттедж, чтобы получать с него лишний доход. – Подышала на свои замерзшие пальцы. – В любом случае он мне не нужен. Он твой, если тебе так хочется. Я знаю, что ты ненавидишь жить в городе.

Это потрясло меня – ведь в кои-то веки я почувствовала, что мама действительно меня понимает.

– Но ты даже не видела его, – запротестовала я.

– Зачем мне коттедж в такой глуши?

Я тоже понимала ее. Коттедж в сельской местности был бы слишком обыденным для мамы. Нет, ей нужно было солн-

це, сангрия и экзотические мужчины ненамного старше меня.

Мама улетела обратно в Сан-Себастьян, даже не посетив коттедж. Он ее не интересовал совсем – можно сказать, *абсолютно*. Это помогло мне не чувствовать себя виноватой в том, что я приняла такое предложение. Дом – бесплатно. Без ипотеки. Это означало финансовую свободу – такую, на которую мы с Томом не могли рассчитывать, особенно с учетом того, что ни мне, ни ему не исполнилось и тридцати лет. Это означало, что я могу бросить свою работу в Кройдоне и работать фрилансером, в окружении идиллической сельской местности. Мечта сбылась.

Но теперь я снова вспоминаю тот разговор. Десять лет назад бабушка переписала коттедж на имя моей матери. Почему? Это было сделано исключительно по финансовым причинам? Чтобы избежать налога на наследство? Или потому что она знала, что там произошло убийство?

Но нет, это нелепо. Не может быть, чтобы бабушка знала об этом. Я знаю это так же твердо, как знаю, что люблю черный кофе и бутерброды с арахисовым маслом, бархатистую шерсть на ушах Снежка и запах скошенной травы.

Я делаю глубокий вдох и вцепляюсь в руль, чтобы успокоиться. Я никогда не могу предсказать, в каком состоянии застану бабушку. Иногда она узнает меня, иногда ведет себя так, будто я одна из персонала, и каждый раз я как будто заново теряю ее.

Когда я выхожу из машины, то замечаю, что мимо проезжает черный седан и притормаживает чуть дальше по дороге. Я не уверена, но, похоже, это та же машина, которая была припаркована возле коттеджа. Проезжая мимо, водитель поворачивается ко мне. Это мужчина, но я не могу разглядеть его черты. Это тот же человек, которого я видела до того? Он тоже собирается заехать на парковку? Но потом машина набирает скорость и уезжает вдаль по дороге. Я на мгновение замираю, глядя ей вслед и размышляя: следует ли мне о чем-либо тревожиться, или это просто пустые страхи?

Бабушка сидит в комнате для дневного отдыха – в эркере, у окна, выходящего на ухоженный придомовой участок; перед ней стоит кофейный столик, а напротив – пустое кресло. Вышло солнце; оно проникает сквозь тюлевые занавески, освещая пылинки, которые танцуют вокруг бабушкиной головы, словно крошечные спутники. Мое сердце так сильно сжимается от любви, что на глаза наворачиваются слезы. Когда я вижу ее здесь, мне до боли хочется вернуться в прошлое, чтобы все было как раньше: бабушка суетится на своей маленькой кухне, без конца разливая по чашкам чай, темный, точно патока, или в теплице показывает юной мне, как сажать редис.

Бабушкина голова склонена вперед. Лицо у нее уже не округлое, как прежде, кожа на щеках обвисла, скулы выдаются вперед. Ее белоснежные легкие волосы – когда-то они были красивого медно-рыжего цвета, хотя бабушка всегда уверяла, будто красила их, – похожи на вату. Она раскладывает на столе кусочки пазла, и на мгновение это возвращает меня в детство, когда по вечерам после захода солнца мы сидели рядом в уютном молчании и пытались сообразить, в каком порядке приставлять к пазлу кусочки.

Я стою в дверях несколько минут, просто наблюдая. В комнате излишне тепло и пахнет затхлостью, жареным мя-

сом и переваренными овощами. Пол застелен ковром – из тех, которые можно увидеть в каком-нибудь старомодном приморском пансионе: весь в красных и золотых завитках.

– У Роуз хороший день, – слышится голос у меня за спиной. Это Милли, одна из сиделок; мне она нравится больше других. Милли на несколько лет моложе меня, у нее самое доброе лицо и самая широкая улыбка, какую я когда-либо видела. А еще у нее короткие колючие черные волосы и пирсинг в обоих ушах.

– Я рада этому. У меня для нее есть новости.

Милли приподнимает бровь.

– О-о... надеюсь, хорошие?

Я стесняюсь потрогать свой живот и потому просто киваю. Не хочу думать о других, плохих новостях. О телах, найденных в саду.

Милли ободряюще сжимает мое плечо, затем идет дальше, чтобы помочь пожилому мужчине, который пытается встать со стула. Я прохожу в дальнюю часть комнаты, пробираясь мимо других обитателей, сгрудившихся вокруг телевизора, мимо старика, читающего в углу газету, которую он держит вверх ногами, пока не оказываюсь рядом с бабушкой.

Когда я подхожу, она поднимает глаза, и на мгновение на ее лице отражается замешательство. Мне приходится проглотить разочарование. Она не узнает меня. Сегодня у нее все-таки не лучший день.

Я опускаюсь в кресло напротив. У него такая высокая

спинка, что мне кажется, будто я сижу на троне.

– Здравствуй, бабушка. Это я, Саффи.

Бабушка молчит несколько секунд, продолжая двигать кусочки пазла, хотя она еще не начала составлять картинку. Коробка стоит на краю стола. На лицевой стороне изображен черный щенок лабрадора в окружении цветов. «Давай сначала найдем края», – всегда говорила она, а ее руки, загрубевшие из-за многочасовой возни с землей и растениями, проворно искали нужные кусочки. Но теперь в ее движениях нет никакой методичности; бабушка просто бесцельно перебирает части пазла, ее морщинистые пальцы сделались узловатыми и неловкими.

– Саффи. Саффи... – бормочет она, не глядя на меня. Затем поднимает голову, и ее глаза озаряются узнаванием. – Саффи! Это ты! Ты пришла ко мне... Где ты была?

Все ее лицо светится, и я протягиваю руку и касаюсь ее хрупкой кисти. Ей семьдесят пять лет, но с тех пор, как ее поместили в дом престарелых, она стала выглядеть намного старше.

Я знаю: осталось недолго, прежде чем бабушкин разум окончательно погрузится в прошлое. Меня не перестает удивлять, как много она помнит о том, что было когда-то, но не может вспомнить ничего из недавних событий – например, что она ела на завтрак.

– Я беременна, бабушка. У меня будет ребенок, – сообщаю я, не в силах скрыть радость и страх в своем голосе.

– Ребенок. *Ребенок*. Так замечательно! Такой подарок! – Она сжимает мои руки, неожиданно крепко. – Ты счастливая девочка. Это... – Ее глаза затуманиваются, и я вижу, что она с усилием роется в своей памяти. – Тим счастлив?

– Том. И да, он на седьмом небе от счастья.

Бабушка была очень привязана к Тому до того, как впала в деменцию. Она всегда старалась сделать для него побольше, когда мы встречались. Посылала ему мелкие дары: домашний торт, бутылочку тернового джина, который она настаивала сама, ревень, который она растила в саду, зная, что Том его любит, а я – нет. «Тебе нужно его подкармливать», – говорила она мне. *Такая уж привычка у ее поколения*, постоянно напоминала я себе. *Чтобы твой мужчина был доволен*. Не то чтобы когда-либо на моей памяти у бабушки был мужчина. Мой дедушка умер еще до рождения мамы.

Бабушкино лицо потемнело.

– Виктор не был счастлив. О нет, он совсем не был счастлив.

Виктор? Я никогда раньше не слышала, чтобы она упоминала какого-то Виктора. Бабушка говорила мне, что моего дедушку звали Уильям, но никогда не рассказывала о нем. Даже мама мало что знала о нем. Но я не хочу прерывать своими вопросами бабушкину речь, поэтому молчу.

– Он хотел навредить ребенку, – продолжает она, морщась, словно от горя.

– Том никогда не сделал бы ничего плохого ребенку. Он

– хороший человек. Ты любишь Тома, помнишь ведь?

Ее выражение лица снова меняется.

– О да. Том прекрасный. Том любит поджаристые тосты на завтрак.

Я улыбаюсь. Бабушка всегда готовила Тому полный английский завтрак, когда мы заезжали к ней.

– Это верно.

Как же мне поднять тему двух трупов, найденных в саду? Стоит ли вообще заговаривать об этом? Может, лучше пока не трогать этот ужас... Но потом я думаю о полиции, которая в какой-то момент должна будет допросить бабушку, зная, что та владела коттеджем столько лет, даже если и сдавала его в аренду. Заранее сообщу ей об этом – и появление полиции станет для нее меньшим потрясением.

– И... нам нравится жить в Скелтон-Плейс, – неуверенно начинаю я.

Ее лицо затуманивается недоумением.

– Скелтон-Плейс?

– Там находится коттедж, бабушка. В Беггарс-Нук.

– Вы живете в коттедже в Скелтон-Плейс?

– Да. Мама решила остаться в Испании. Ты же знаешь ее. Она любит солнце и море. Так что мы с Томом живем в коттедже. И это так щедро с твоей стороны... – Я, конечно, уже говорила ей все это раньше.

Бабушка снова начинает бесцельно перебирать кусочки пазла, и я боюсь, что она меня уже не услышит. Я должна

что-то сказать, быстро, пока она не ушла в себя.

– И самое странное, что... когда мы начали копать сад, чтобы построить пристройку, то нашли два тела...

Бабушка вскидывает голову.

– Тела?

– Да, бабушка. Закопанные в саду.

– Мертвых тела?

– Э-э-э... да.

А что, могут быть какие-нибудь другие?

– В Скелтон-Плейс?

Я поощрительно киваю.

– Женщина и мужчина.

Бабушка смотрит на меня так долго, что я опасаюсь, не впала ли она в некое кататоническое состояние. Но потом ее глаза затуманиваются, как будто она вспоминает что-то. Вдруг снова хватает меня за руки, раскидывая кусочки пазла так, что некоторые из них падают на пол.

– Это Шейла? – шепчет она.

Шейла?

– Кто такая Шейла, бабушка?

Она отдергивает руки, ее глаза затягиваются туманом недоумения, словно катарактой. Сейчас бабушка похожа на испуганного ребенка, когда сидит вот так, сжавшись в высоком кресле.

– Очень злая девочка. Они все так говорили. Злая маленькая девочка.

– Кто? Что за злая девочка?

– Так они все говорили.

Мне нужно сменить тему. Бабушка начинает волноваться.

Я наклоняюсь и подбираю кусочки пазла с ковра.

– Здесь красивый сад, – говорю я, выпрямляясь и глядя мимо бабушки в окно. – Ты, как и раньше, гуляешь там каждый день?

Умственные силы покидают ее с каждым днем, однако физически с ней все в порядке.

Но бабушка все еще бормочет что-то о Шейле и злой маленькой девочке.

Я протягиваю руку через стол и крепко беру ее узловатую руку в ладони.

– Бабушка, кто такая Шейла?

Она прекращает бормотать и смотрит прямо на меня, сфокусировав взгляд.

– Я не... знаю...

– Полиция захочет поговорить с тобой в какой-то момент, но только потому, что ты была хозяйкой коттеджа, и...

На лице бабушки мелькает вспышка паники.

– Полиция? – Она в страхе озирается по сторонам, словно ожидая, что полицейские окажутся прямо у нее за спиной.

– Ничего страшного. Они только захотят задать тебе несколько вопросов. Не о чем беспокоиться. Это будет просто процедура. Для протокола.

– Это из-за Лорны? Лорна умерла?

Я сглатываю чувство вины.

– Нет, бабушка. Мама в Испании. Помнишь?

– Злая девочка.

Я осторожно отпускаю бабушкину руку и сажусь обратно в кресло. Она снова что-то бормочет про себя. Сегодня я больше ничего от нее не добыюсь. Я не должна была упоминать о трупах. Это было нечестно. Конечно, она ничего о них не знает. Откуда бы ей знать? И вместо новых вопросов я протягиваю руку и помогаю бабушке собирать пазл – в теплом молчании, как мы делали, когда я была ребенком. *Сначала нужно найти края.*

Тео

Тео тормозит на подъездной дорожке и паркует свой старый «Вольво» рядом с черным «Мерседесом» отца, похожим на катафалк. Старый, одряхлевший дом нависает над ним, словно здание из фильма ужасов, затмевая солнце и вызывая дрожь во всем теле. Тео ненавидит это место. И всегда ненавидел. Его друзья считали дом впечатляющим, когда бывали здесь – это случалось редко, он старался по возможности не приглашать их к себе, – однако унылый серый камень и уродливые горгульи, взирающие с крыши вниз, точно собираясь спорхнуть, до сих пор вызывают у него мурашки. Дом слишком велик для пожилого человека, живущего в одиночестве. Тео никак не может понять, почему отец отказывается продавать это здание. Сомнительно, что тот держится за него из сентиментальных соображений. По мнению отца, этот дом – символ статуса. Тео никогда не чувствовал необходимости хвастаться тем, что у него есть. Не сказать чтобы он располагал особым имуществом, но в любом случае он оценивает себя совсем по другим меркам. Еще одна вещь, которую его отец не понимает.

Тео входит в просторный коридор с деревянными панеля-

ми и винтовой лестницей, которую он всей душой возненавидел после смерти матери, по стенам висят олени головы. В детстве они снились ему в кошмарах. Он вдыхает знакомый запах древесного дыма и лака для пола. Его отец платит домработнице по имени Мэвис, которая приходит раз в несколько дней, чтобы сделать уборку и постирать, но она должна появиться только завтра.

– Папа! Это я, Тео, – окликает он. Ответа нет, и Тео взбегает по лестнице наверх, в кабинет, расположенный в передней части дома. Резиновые подошвы его кед скрипят по полированному полу. Отец проводит много времени в кабинете, но Тео трудно представить, чем он там может заниматься, ибо уже много лет, как вышел на пенсию.

Тео открывает дверь кабинета и немедленно отмечает, что отец сегодня в дурном настроении – он буквально истекает злостью. Его широкое лицо с плоским фамильным носом, который унаследовал Тео, краснее обычного. Даже лысина на макушке розовая; красноватый цвет просвечивает сквозь остатки белых волос.

Когда он так себя ведет, Тео думает, что его отец – сволочь. На самом деле он считает отца сволочью почти все время, даже когда тот не ведет себя как избалованный ребенок. Не пристало такое поведение семидесятишестилетнему медику-консультанту в отставке. Тео задается вопросом, что именно разозлило отца сейчас. Хотя много ли для этого нужно? Быть может, Мэвис поставила один из его кубков за игру

в гольф не на то место... Тео благодарен, что ему больше не приходится жить с этим человеком в одном доме.

Он просто зашел его проведать – как проведывает еженедельно. Поскольку, несмотря на то что его отец не был хорошим отцом или хорошим мужем, Тео считает, что таков сыновний долг. И он знает, что этого хотела бы его мать. Тео – единственный из родных, кто остался у его отца. И иногда, когда отец не ведет себя как полный болван, когда в нем открывается некая человечность – например, когда они сидят бок о бок на диване, смотрят фильм и отец засыпает, уронив голову на грудь и сделавшись похожим на обычного спокойного старика, – Тео чувствует прилив нежности к нему. А потом отец просыпается и снова превращается в прежнего требовательного ворчуна, и теплота, которую испытывал Тео всего несколько мгновений назад, испаряется.

Несмотря на все это, Тео старается быть снисходительным. Он понимает, что потеря жены – матери Тео, – случившаяся четырнадцать лет назад, была сокрушительной для отца. Кэролайн Кармайкл было всего сорок пять лет, когда она умерла, и она была невероятно энергичной и заботливой. Эта утрата оставила зияющую дыру в их жизни. Не то чтобы отец признавался в каких-либо чувствах. По его мнению, проявление человеческих эмоций – это слабость, и он неизменно предпочитал скрывать подобную уязвимость за внешней суровостью. Несмотря на это, Тео всегда испытывал к нему невольное уважение. Его отец всегда был гениальным чело-

веком, исключительно умным и талантливым в своей области. Даже сейчас, выйдя на пенсию, он все еще пишет статьи для медицинских изданий.

Тео откашливается. Его отец слишком занят тем, что хлопает ящиками стола, открывает и закрывает дверцы шкафов, и не сразу слышит его. Приходится кашлянуть несколько раз, прежде чем отец поднимает глаза.

– Что тебе нужно?

«Очаровательно», – думает Тео. У него был адский день, он помогал своему шуруну Саймону переезжать в новое жилище, а сегодня вечером ему предстоит поздняя смена в ресторане. Это не настолько шикарный ресторан, чтобы произвести впечатление на его отца, пусть даже это заведение находится на одной из главных улиц Харрогейта, но тем не менее Тео нравится работать там шеф-поваром. Он чувствует себя грязным после перетаскивания мебели из фургона, и ему нужно принять душ до шести часов вечера, когда нужно будет выходить на работу.

– Просто решил заехать, убедиться, что ты нормально питаешься. Я приготовил для тебя пару лазаний, чтобы ты их заморозил. – В доказательство своих слов Тео предъявляет сумку. Отец что-то ворчит в ответ и, отвернувшись от Тео, продолжает рыться в ящике.

Тео проводит рукой по подбородку. Боже, ему нужно побриться. Джен ненавидит его щетину – говорит, что она царапает ей лицо, когда он ее целует.

Он переступает порог комнаты.

– Могу я чем-нибудь помочь?

– Нет.

– Ладно-ладно, тогда я просто закину это в морозилку и пойду. У меня сегодня работа.

Отец ничего не говорит, лишь стоит, наклонившись над ящиком в позе вопросительного знака. Тео видит очертания его лопаток сквозь рубашку-поло. Отец всегда хорошо одет – и Тео рад хотя бы этому, – каждый день принимает душ, брызгается одним и тем же лосьоном после бритья «Прада», которым пользуется уже много лет, и облачается в свои любимые хлопковые брюки и рубашку. В холода он надевает поверх рубашки добротный джемпер от «Ральф Лоран» с треугольным вырезом. Если бы отец позволил себе отступить от этой привычной рутины, Тео начал бы беспокоиться за него.

– Обязательно съешь лазанью. Она питательная.

– Ты слишком много суетишься. Как твоя мать.

Тео вспоминает свою прелестную мать, которая изнуряла себя бесплодными попытками сделать отца счастливым. Между его родителями было восемнадцать лет разницы в возрасте. Друзья в школе считали отца Тео его дедом. Это смущало Тео, хотя он, наверное, не возражал бы, если бы его отец вел себя как добрый дедушка. Тем не менее на друзей производило впечатление, когда отец иногда забирал его из школы на своей дорогой машине.

Как раз в тот момент, когда Тео собирается выйти из комнаты, его отец выпрямляется, отряхивая брюки. Он высок, даже выше, чем Тео, с такими же длинными конечностями и мощным сложением. Тео вынужден признать, что его отец по-прежнему красив и подтянут для своего возраста, потому что регулярно играет в гольф в клубе.

– Пойду поищу внизу, – заявляет он, проходя мимо Тео, но ни словом не упоминает о том, что именно ищет. – Не хочешь остаться и выпить чаю?

Черт. Теперь Тео будет чувствовать себя обязанным. – Если только быстро. У меня сегодня вечером смена. – Да, ты говорил.

Его отец хотел, чтобы он пошел в медицинскую школу, последовал по его стопам одиннадцатого размера. Он считает, что работа Тео в качестве шеф-повара – не более чем хобби. Тео все еще раздражают эти мысли, поэтому он старается не думать об этом.

– Пойду поставлю чайник, – сообщает Тео, но отец ничего не отвечает: он выходит за дверь, подошвы его ботинок постукивают по лакированному паркету.

Тео делает шаг к выходу из кабинета, но в глаза ему бросается что-то лежащее на отцовском столе. На нем царит безупречный порядок, как и везде в кабинете, даже после всех поисков, но на вставке из темно-зеленой кожи с мягкой подбивкой лежит газетная вырезка. Тео гадает, не связано ли это с его матерью. Отец навязчиво хранил все материалы,

где когда-либо упоминалось ее имя, но при этом не хотел говорить о ее смерти. Тео подходит к столу и берет вырезку в руки – и сразу же видит, что она не имеет к его матери никакого отношения. Она датирована прошлой неделей и представляет собой небольшую заметку, всего в несколько абзацев, сопровождаемую фотографией, о молодой паре из деревни Беггарс-Нук в Уилтшире: эта пара нашла в саду на заднем дворе два трупа. Заголовок кричит «СКЕЛЕТЫ В СКЕЛТОН-ПЛЕЙС!» Имена супругов подчеркнуты красным цветом, как и еще одно имя – Роуз Грей.

А под заметкой кто-то написал:

«Найти ее».

Лорна

Идет проливной дождь, и Лорна бранится себе под нос, когда ткань ее зонтика внезапно срывается со спицы, так что тот дребезжит от ветра у нее над головой, больше не обеспечивая достаточного прикрытия для ее свежей прически. У стилиста, здорового парня по имени Марко, ушла целая вечность на то, чтобы гладко уложить ее волосы при помощи фена, а теперь они распушатся, как колокол. Она хотела хорошо выглядеть для Альберто, прилагала все усилия для их сегодняшнего свидания. Спустя почти два года совместной жизни Лорна опасается, что их отношения несколько остыли; она работает днем, а он задерживается допоздна, приглядывая за принадлежащим ему баром. Лорна так и представляет, как он флиртует там с девушками, корча из себя Тома Круза из фильма «Коктейль». Почему, ну почему она всегда выбирает не тех мужчин? Слишком молодых. Слишком красивых. Слишком самовлюбленных. Через три месяца ей исполнится сорок один год. Она должна пересмотреть свой выбор... Но нет, долой унылые мысли! Это не в ее стиле. И вообще, Альберто обещал освободить вечер от работы в баре, чтобы они могли пойти потанцевать. Может быть,

они смогут заново раздуть огонь страсти...

На Лорне легкий льняной блейзер поверх скучной гостиничной униформы (белая блузка и темно-зеленая юбка длиной до колена, хотя к ней она надела розовый шарф), ведь утром, когда она вышла из квартиры, было жарко. Босоножки на высокой платформе натирают ей пятки. К тому времени, как Лорна преодолеет десятиминутный путь до квартиры, в которой они живут вместе с Альберто, она будет вся мокрая. Но Лорна продолжает шагать через многолюдную площадь, стараясь не обращать внимания на боль в натертых пятках. Она не может остановиться, иначе кто-нибудь врежется ей в спину. Не то чтобы она жаловалась. Ей нравится шум и суета Сан-Себастьяна. Море сегодня беспокойное: злые белые волны накатывают на берег, и какой-то дурак катается на серфе в этой пене. Несмотря на плохую погоду, на пляже расположилась группа отдыхающих, решив, что ливень им не помеха.

Сегодня был тяжелый рабочий день. В отеле, где она работает администратором, как всегда в это время года, прорва клиентов. На этой неделе к ним заехало несколько семей из Великобритании, и некоторые из них жаловались на погоду: они не ожидали, что в начале мая в Англии будет жара, а в Испании – весенние ливни. Лорна направила их в сторону крытого бассейна с аквапарком. Она понимала их разочарование – они приехали в отпуск ради солнца, пляжа

и уличных кафе, где подают та пас⁷. Лорна чувствовала то же самое, когда только переехала сюда и удивлялась, что в Испании действительно идут дожди. Но ей здесь нравится, нравится их маленькая квартира с собственным двориком в красивом старинном здании на мощеной улице в Старом городе. И еда. Она могла бы каждый день есть паэлью, креветки и кальмаров, не говоря уже о пинчос⁸.

Лорна трогает кончики своих мокрых волос. Весь день, сидя за своим столом и наблюдая за постояльцами отеля, входящими в вестибюль, промокшими и разочарованными, она с нетерпением ждала, когда закончится смена. Тогда можно будет пойти в салон, где ей сделают прическу, – а теперь эта долгожданная прическа испорчена...

Еще через пять минут пути по лабиринту людных улиц и высоких каменных зданий с черными коваными балконами, возвышающихся по обе стороны, Лорна добирается до своей квартиры. Она проходит через огромную входную дверь в вестибюль. Двигается по длинному узкому коридору, проходит мимо стеклянного лифта, посредством которого можно подняться на второй этаж, и выходит через другую дверь в конце коридора. Минует открытый двор, за которым, пер-

⁷ *Тапас* – в Испании любая закуска, подаваемая в баре к пиву или вину. Это могут быть как орешки, чипсы или маслины, так и самостоятельные блюда.

⁸ *Пинчо* (мн. ч. пинчос) – небольшой бутерброд, легкая закуска, подаваемая в барах Испании к пиву или красному вину. В отличие от тапас, приготовление пинчо занимает больше времени; кроме того, пинчос не являются бесплатной закуской к напитку, а должны быть заказаны как самостоятельное блюдо.

пендикулярно один к другому, стоят два домика: ее и Мари. Глядя на фасад здания, никогда не подумаешь, что за ним скрывается все это.

Мари, миниатюрная женщина лет пятидесяти, с темными волосами до пояса, стоит у порога, выбивая пыль из при-дверного коврика.

– *Buenas noches!*⁹ – окликает она, когда Лорна осторожно идет через двор, стараясь не оступиться на скользкой от дождя терракотовой плитке. Лорна улыбается и машет в ответ, понимая, что выглядит как мокрая мышь. Она входит в парадную дверь своего домика и попадает прямо в столовую-гостиную с деревянной лестницей, ведущей в мезонин, где располагается спальня с ванной комнатой. Кухня и гардеробная находятся в задней части квартиры, выходящей на задворки дома – на бетонированную баскетбольную площадку, расписанную граффити. Иногда Лорна слышит, как местные дети играют там в мяч или поздно вечером слушают музыку. Это успокаивает ее, дает ей почувствовать, что она не одна, когда Альберто задерживается на работе.

Она снимает мокрый блейзер и босоножки, наклоняется, чтобы осмотреть пятку, на которой образовалась мозоль. Потом идет в кухонный закуток, чтобы поставить чайник. Бутылка белого вина, лежащая в холодильнике, выглядит соблазнительно, но Лорна решает отказаться. Позже она сможет оттянуться так, как не делала этого уже целую вечность.

⁹ Добрый вечер! (исп.)

Прислоняется к кухонной стойке, ожидая, пока чайник закипит, и смотрит на часы. Уже почти шесть. У нее должно быть достаточно времени, чтобы выпрямить волосы до возвращения Альберто. Он обещал вернуться к семи.

Тут Лорна замечает в раковине два винных бокала. Она была уверена, что помыла посуду перед уходом на работу сегодня утром. Она никогда не оставляет после себя беспорядок – кухня слишком мала для этого. Ей было бы неприятно видеть ее захлавленной. Утром Лорна оставила Альберто в постели: он спал, прикрыв глаза загорелой рукой. Он сказал, что должен прийти в бар не раньше четырех часов дня. Так что же Альберто делал весь день и, что более важно, с кем? Она берет бокалы с вином и осматривает их на предмет следов губной помады. Ничего нет, и Лорна ставит их на место в раковину. «Это просто нелепо, – решает она. – Вот где кроется безумие». Обычно она не ведет себя так. Обычно она доверяет партнерам. Как выяснилось, слишком доверяет – предыдущий парень, Свен, бросил ее ради другой женщины спустя полтора года совместной жизни. Тогда Лорна жила в Амстердаме, уехав из Англии после того, как Саффи встретила Тома. После разрыва со Свеном она не захотела оставаться в Нидерландах и решила найти жилье в Испании. А через несколько месяцев встретила и полюбила Альберто. Высокого, подтянутого, загорелого Альберто, который на шесть лет младше ее. Лорна думала, что рядом с ним будет чувствовать себя моложе, но эффект оказался обратным.

Ее мобильный, который она положила на стойку, вибрирует, и она наклоняется, чтобы взять его. На экране высвечивается имя Саффи, и Лорна испытывает прилив радости, а затем – мимолетное чувство вины. Она не видела свою дочь с Рождества и скучает по ней.

– Привет, дорогая, – говорит она в трубку.

– Мама, – нерешительно выговаривает Саффи, Лорна сразу же настораживается. Она выпрямляется, представляя лицо дочери – такое красивое, но сейчас встревоженное.

– Все в порядке?

– Да... хотя нет. Случилось кое-что странное.

Никаких пустых фраз. Лорна любит это качество в своей дочери. Та всегда сразу переходит к делу.

– Выкладывай. – Лорна собирается с духом, готовясь выслушать рассказ об одной из бесчисленных катастроф, о которых она старается не беспокоиться, пока живет так далеко от своего единственного ребенка. В животе у нее образуется комок.

На линии трещат помехи, и Лорна переходит в гостиную, пытаясь вслушиваться в речь Саффи. Она только что сказала что-то о трупах?

– ...десять дней назад в саду, когда строители копали... – Голос у нее сейчас совсем юный и потерянный.

Лорна опускается в свое кресло лаймового цвета, прижимая к уху мобильник и чувствуя, как тяжелеет ком в желудке.

– Что?

Челюсть у нее отвисает по мере того, как дочь вводит ее в курс дела. И почему Лорна узнает об этом только сейчас? Саффи сказала, что это случилось десять дней назад.

– Полиция собирается поговорить с бабушкой, хотя я еще не знаю когда, – продолжает дочь. – Ты не знаешь точно, когда она купила коттедж? Конечно, бабушка говорила нам, что это было в семидесятых годах прошлого века, но она могла ошибиться...

Лорна подбирает под себя ноги. Дождь промочил насквозь ее блузку, и теперь ей холодно и сыро.

– Понятия не имею. Я даже не знала о Скелтон-Плейс, пока она не рассказала нам о нем в прошлом году. Насколько я знаю, сама она там никогда не жила.

– У тебя ведь есть на него документы? Там должно быть написано, когда бабушка его купила.

Лорна хмурится.

– Да, они у меня где-то есть... Я их поищу. Но полиция, наверное, уже откопала все эти сведения.

– Даже если так, я бы хотела знать, – отвечает Саффи. – И неплохо бы найти список жильцов.

– Лучше обратиться к ее поверенному... Я посмотрю, есть ли у меня этот список.

Саффи не должна разбираться с этим в одиночку. Лорна знает, как ее дочь дружна со своей бабушкой. Их связывает то, чего никогда не было между Лорной и ее матерью. Она, конечно, любит мать, но они всегда были такими разными...

Ее мать всегда держалась особняком, не желая принимать участия в жизни общества, и в результате Лорна в юном возрасте стала бунтовать. Пьянки и вечеринки в четырнадцать лет, беременность в пятнадцать. Мама называла ее юной дикаркой, однако смирилась с этим, пусть и неохотно. Саффи была самым большим подарком, который Лорна могла сделать своей матери, чтобы возместить свое поведение. Тихая, прилежная девочка, которая предпочитала оставаться дома в субботу вечером, а не ходить на вечеринки. На сердце у Лорны становилось тепло, когда она видела, как сильно ее мать и ее дочь любят друг друга. Но болезнь Альцгеймера разрушила эту тихую идиллию – в основном для Саффи.

– Я приеду в Англию, – неожиданно говорит Лорна. – Могу я остановиться у вас в коттедже? Я бы хотела посмотреть на него.

– Приедешь? Но... тебе не нужно никуда ехать. В этом нет необходимости.

Лорна проглатывает разочарование.

– Я хочу увидеть тебя. Я скучаю по тебе. И маму я тоже давно не видела. И я могу помочь тебе во всем этом разобраться.

– Мам... Я не думаю, что это так просто.

– Знаю. Но я бы хотела быть там. Особенно если полиция будет рыскать вокруг, задавать вопросы и мешать тебе. Я с удовольствием остановлюсь в отеле...

– Нет, дело не в этом. Конечно, ты можешь пожить у нас.

У нас есть футон. – Пауза. – Альберто приедет с тобой?

Лорна думает о двух бокалах вина в раковине и откидывается на мягкие подушки кресла.

– Нет. Честно говоря, нам с ним не помешает побыть врозь.

– Ох, мама...

– Все в порядке. Все у нас нормально. Мы собирались сегодня вечером куда-нибудь сходить. Но он слишком занят в своем баре... – Она оставляет фразу незавершенной. Ее дочь умна и более рассудительна, чем она сама в этом возрасте. Ее не обманешь. Когда это они поменялись ролями? Это Саффи должна была звонить ей по поводу проблем с парнем. Вместо этого она с Томом вот уже четыре года, в то время как Лорна едва может поддерживать отношения с мужчиной в течение четырех минут. – Какие планы у тебя на сегодняшний вечер?

Саффи бесхитростно смеется, без малейшего самодовольства.

– Как обычно. Сажу дома с едой из доставки и смотрю «Нетфликс».

Лорна улыбается в трубку. У нее внезапно возникает желание оказаться там. Сидеть вместе с дочерью, есть рыбу и картошку с тарелок, стоящих у них на коленях, и смотреть какой-нибудь сериал.

– Я прилечу в субботу утром. Ты не против?

– Я встречу тебя в бристольском аэропорту. Просто сообщи мне, когда будешь знать, во сколько прилетаешь.

Они прощаются, и Лорна поднимается по деревянной лестнице в спальню, чтобы переодеться в облегающее красное платье, которое очень любит Альберто – и Лорна знает это. Он называет его платьем Джессики Рэббит¹⁰, потому что оно подчеркивает бюст Лорны. Пытаясь что-то сделать с испорченной прической, она одновременно обдумывает разговор с дочерью. В саду захоронены два тела. Мужчина и женщина. Воспоминание, смутное и искаженное, проносится в ее голове, словно вспышка молнии: сад, темнота, пронизанная фейерверками, которые взрываются в ночном небе... но, прежде чем Лорна успевает ухватиться за него, оно улетает, как семена одуванчика по ветру, так и не давшись ей в руки.

¹⁰ *Джессика Рэббит* – персонаж мультфильма «Кто подставил Кролика Роджера?», сексапильная рыжеволосая девушка в весьма открытом красном платье.

Саффи

Я замечаю маму сразу же. Она идет через зону прилета в аэропорту Бристоля; на ней огромная соломенная шляпа и обрезанные розовые джинсы, подчеркивающие изгиб ее бедер. На запястье множество браслетов, в ушах огромные серьги, которые при движении сверкают и отбрасывают блики. Она похожа на хрустальную люстру. Мужчины таращат на маму глаза. Когда я была моложе, меня это смущало: мамина нескромность, природная кокетливость и вечный глубокий вырез декольте. К тому же она была намного моложе других мам, ждавших моих соучениц у школьных ворот. Но сейчас это чувство исчезло. Благодаря тому, что мы живем в разных странах, я поняла, как сильно мне ее не хватает. Интересно, может быть, это из-за того, что я сама скоро стану матерью? Не знаю, как мама отнесется к тому, что в сорок один год она сделается бабушкой... Будет ли она чувствовать себя старой? Я проглатываю свои переживания. Не могу думать об этом сейчас. У меня слишком много других забот.

Например, вчерашний звонок от детектива...

Когда мама замечает меня, ее лицо озаряет широкая улыбка, и она идет ко мне, чуть прихрамывая в своих босо-

ножках на высоких каблуках и таща за собой чемодан на колесиках, с леопардовым принтом.

– Милая! – восклицает она, заключая меня в объятия. От нее знакомо пахнет духами «Том Форд» и кокосовым кремом для загара. – Я так рада тебя видеть!

– Я тебя тоже. Хорошо выглядишь, мам.

Мама отстраняет меня на расстояние вытянутой руки, чтобы окинуть взглядом.

– Ты тоже, – говорит она, и я посмеиваюсь про себя над удивлением в ее голосе. – Похоже, немного располнела... Но тебе идет. Знаешь, я всегда считала, что ты слишком худая. – Она оглядывается по сторонам. – А где Том?

– Ждет у машины со Снежком.

Мама берет меня под руку.

– Будет здорово увидеть его. А теперь расскажи мне об этих скелетах. Все это звучит совершенно невероятно, да?

Я открываю рот, чтобы заговорить, но она продолжает:

– Я имею в виду, если только полиция не нагрянет к твоей бабушке и не расстроит ее кучей вопросов. Скажи, как зовут того полицейского, который беседовал с вами, и я выясню, что именно они собираются делать. Я...

Я чувствую, как у меня начинает болеть голова. Я безумно люблю свою мать, но, боже мой, она никогда не умолкает.

Я позволяю ей болтать дальше, пока мы идем к машине. Том стоит, прислонившись к «Мини Куперу», на его лице смущенная улыбка – как обычно в присутствии моей матери.

Снежок обнюхивает землю у его ног.

– Том! – восклицает мама, бросаясь к нему и обнимая его за шею, ее звенящие браслеты едва не прищемляют его ухо. Он смотрит на меня поверх ее плеча, подняв брови, и я с трудом подавляю смех.

– Рад вас видеть. Хорошо долетели? – спрашивает Том, высвобождаясь из ее объятий.

Мама пренебрежительно машет рукой.

– Жуткая теснота. Я была зажата между двумя очень широкими пассажирами, но... – она пожимает плечами, – вот я здесь. И должна сказать, что погода здесь лучше, чем в Сан-Себастьяне.

Я смотрю, как мама неуклюже забирается на заднее сиденье, а Том берет ее чемодан и ставит его в багажник. Мы обсуждали, что с появлением ребенка нам действительно стоит сменить машину на четырехдверную, но расширение коттеджа съедает все наши финансы.

– Мне не терпится увидеть коттедж, – говорит мама, подаваясь вперед и держась за спинку сиденья Тома, когда я вырливаю с парковки. – После того как поговорила с тобой по телефону, я нашла документы и сразу позвонила поверенному...

Конечно же, она позвонила. Держу пари, мама занималась этим делом с той самой минуты, как я положила трубку. Но я благодарна, что мне не пришлось разгребать это самой.

– Судя по всему, твоя бабушка купила коттедж в марте

семьдесят седьмого года и жила там, пока не сдала его в аренду весной восемьдесят первого. Потом она купила дом в Бристоле. – Мама выпаливает все это без передышки.

– Значит, вы с ней какое-то время жили в коттедже? – удивленно уточняю я. – Ты можешь это вспомнить?

– Хм-м... Нет, не совсем. Мне было три года, когда мы уехали. Но, может быть, если я увижу его снова, это подстегнет мою память.

– Обстановка там несколько старомодная, – объясняю я. – Особенно кухня, хотя Том превосходно разбирается со всеми остальными помещениями. – Я улыбаюсь мужу. – К сожалению, в свободной комнате все еще ярко-желтые стены.

Мама смеется.

– Это меня в высшей степени устроит. Расскажи мне подробнее, как дела у твоей бабушки?

Я смотрю на маму в зеркало заднего вида. Она сняла шляпу, и ее темно-карие глаза светятся от волнения, но за этим волнением есть и еще что-то – боль, которую она пытается скрыть. Мне интересно, что на самом деле происходит между ней и Альберто. У меня постоянно складывается впечатление, будто мама от чего-то убегает.

Я открываю рот, чтобы заговорить, надеясь, что на этот раз меня не прервут.

– Вчера вечером мне позвонил детектив. Сержант Мэтью Барнс. Он был весьма вежлив, однако сообщил, что поговорил с директором дома престарелых, Джой. Она дала поли-

дейским совет: бабушку лучше расспрашивать на месте, в «Элм-Брук», где она чувствует себя в безопасности. И при этом должны присутствовать ты или я. Предполагается, что она достаточно в своем уме, чтобы ответить на вопросы, поскольку у нее бывают моменты просветления и она многое помнит из прошлого, так что может сообщить что-нибудь полезное.

– Я буду там, – твердо говорит мама.

– Хорошо. Как долго ты планируешь оставаться в Англии?

И как же твоя работа?

Мама негромко фыркает.

– Я взяла неделю отпуска. Думаю, случившееся в *моем* коттедже можно отнести к смягчающим обстоятельствам, верно?

– Я... ну, да... но это всего лишь формальность. Полиция намерена поговорить со всеми, кто жил в доме в течение этих двадцати лет.

– Знаю. Но было бы здорово провести с тобой немного времени, милая. Я не видела тебя толком с самого Рождества.

«И это Рождество было полным кошмаром», – думаю я. Но, сказать по правде, мама была не виновата. Виноват был скорее тот идиот, которого она называет бойфрендом: он вел себя грубо и пренебрежительно, всем своим видом показывая, что предпочел бы валяться на пляже в Испании, а не проводить целый день в нашей крошечной квартирке в

Кройдоне. И в прошлом, когда мама приезжала ко мне, у меня неизменно складывалось впечатление, что она с нетерпением ждет, когда вернется к своей суматошной жизни.

Краем глаза я вижу, что Том смотрит прямо перед собой, и на его лице написано «не втягивайте меня в это».

Я сворачиваю на объездную дорогу вокруг Лонг-Эштона. Я ничего не могу сказать. И не то чтобы я не хотела проводить время с мамой, но сейчас у меня просто нет сил на ее... ну, энергию. Она никогда не говорит о том, что не одобряет мою рано пробудившуюся тягу к созданию семьи, – да ей и не нужно ничего говорить, я знаю это без слов. Когда мы с Томом съехались несколько лет назад, мама пыталась отговорить меня от этого. А когда я сказала ей, что мы копим деньги на первый взнос, чтобы купить дом, она предупредила меня о том, что я «связываю себя ипотекой слишком рано». Очевидно, что, родив меня в шестнадцать лет, мама сама лишила себя радостей юного возраста. Судя по ее фотографиям в «Фейсбуке», сейчас она пытается наверстать упущенное.

– Ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь, – говорю я, стараясь не обращать внимания на тянущее ощущение в животе.

* * *

Сорок минут спустя мы въезжаем в Беггарс-Нук. Мама,

затаив дыхание, рассматривает через окно машины здания из котсуолдского камня.

– Какое потрясающее место! Странное название... Немного жутковатое¹¹. Не знаю, почему это место кажется мне таким знакомым – может быть, потому, что оно напоминает мне те милые деревушки из «Агаты Рэйзин»... Отсюда далеко до ближайшего города?

Я мысленно закатываю глаза. Так я и знала. Она, вероятно, уже планирует, как целый день будет ходить по магазинам. Эта деревня для нее слишком уединенная.

– Чиппенхэм, семь или восемь миль отсюда.

– Восемь миль? Ничего себе! – Мама оглядывается по сторонам с немного паническим выражением в глазах, как пони, который вот-вот сорвется с места.

Мы едем через центр деревни, и, когда проезжаем главную площадь, мама ахает.

– Что это? – спрашивает она, указывая на каменное сооружение кубической формы со сквозным проходом, увенчанное крышей со шпилем. Оно стоит перед церковью на краю площади, где сходятся три главные улицы. Это очень приметное строение, к которому со всех четырех сторон ведут каменные ступени.

– Это «рыночный крест», – отвечает Том, его явно радует возможность поделиться интересными фактами. – Я как следует рассмотрел его, когда мы только переехали сюда. Он

¹¹ *Беггарс-Нук* – «Нищий угол».

построен в четырнадцатом веке. Такие «торговые кресты» довольно часто встречаются в рыночных городах и деревнях, хотя я никогда не видел такого красивого, как этот.

Мама хмурит брови.

– Я... я помню его...

– Правда?

Она моргает.

– Очень смутно. Но я видела его когда-то. Я... – Мама качает головой. – Очень обидно: какие-то обрывки картин, короткие образы, вызывающие странное чувство. – Она кладет руку на сердце, и я вижу в зеркало заднего вида, что она закрывает глаза. – Это чувство... – Глаза ее резко распахиваются. – Но потом оно пропадает.

– Я как-то читал, – говорит Том, – что наши воспоминания постоянно меняются, поэтому мы помним только ту версию, которую вспоминали в прошлый раз, а не первоначальное событие.

Я закатываю глаза и смеюсь. Однако мама так и сидит с застывшим лицом, что для нее совершенно нехарактерно. Она прижимается носом к стеклу, словно ребенок, ждущий чего-то, но не решающийся об этом сказать. Я смотрю на Тома – тот пожимает плечами. Я продолжаю вести машину вверх по холму, пока мы не доезжаем до ряда из двенадцати владений, известного как Скелтон-Плейс. Въезжаю на гравийную подъездную дорожку, которая расходится веером, ведя к воротам домов, и радуюсь, что сегодня здесь нет журналистов.

Прошло две недели с момента обнаружения тел, и я надеюсь, что СМИ уже переключились на другие истории.

– Боже, какой мрачный лес, правда? – говорит мама. – Он окружает всю деревню. Мне кажется, что я попала в лес из «Красной Шапочки».

– Он действительно кажется мрачным, особенно в пасмурный день, – подтверждаю я.

– Странно, что у отдельных коттеджей нет названий, – продолжает мама. – Посмотри, какие здесь красивые глицинии. И крыша из дранки... Дом номер девять по Скелтон-Плейс – это так... не знаю, как и сказать. – Она слегка вздрагивает. – Звучит зловеще.

Я понимаю, что мама имеет в виду, хотя меня и раздражает, что она во всем находит недостатки. Мне это название тоже не кажется красивым. Оно не подходит к нашему маленькому владению. Коттедж не очень большой, и за него дали бы меньше, чем за бабушкин дом в Бристоле, но я никогда не жила в таком красивом месте, таком уютном и идеальном, точно с открытки. Глициния сейчас в полном цвету, она обвивает фасад дома, как синегато-сиреневое боа из перьев. А с подъездной дорожки не видно огромной ямы в заднем саду.

Если бы все было по закону, здесь должна была бы жить мама со своим очередным карманным бойфрендом, а не мы с Томом. Я предлагала маме, чтобы мы платили за наше проживание в коттедже небольшую сумму из наших сбере-

жений. Она отказалась. Насколько я знаю, у мамы нет другой недвижимости. Она снимала квартиру, где я выросла, в Бромли, в Кенте. Говорила, что ей не нравится быть скованной постоянным местом проживания. Мне это всегда казалось немного... *безответственным*.

Мы до сих пор не оформили документы на наши с Томом имена. Я собиралась затронуть эту тему с мамой до того, как мы начали работу над пристройкой к кухне, но так и не собралась. Точно так же как мне пока не удалось поведать о своей беременности. У нас такое бывает постоянно, и я это осознаю.

Выхожу из машины и потягиваюсь. У меня болит спина, меня подташнивает. Я глубоко вдыхаю деревенский воздух, пока мама и Том вылезают из машины; мама хихикает, когда ее каблук запутывается в ремне безопасности, а Том смеется, помогая ей. Он хорошо ладит с людьми. Такой терпеливый... Я знаю, что он будет отличным отцом.

– Здесь немного грязно, – говорит мама, ступая на подъездную дорожку. – Это навоз?

Я строю гримасу, обращенную к Тому. Когда обхожу машину, чтобы присоединиться к ним, вижу, что кто-то стоит у живой изгороди в конце нашей подъездной дорожки. Я замираю. Это снова тот мужчина. Тот самый, которого я видела на днях, когда он притаился у ограды коттеджа. Тот, которого – несомненно – я видела возле бабушкиного дома престарелых.

– Том! Этот человек... – начинаю я, но Том тоже его замечает. Он передает Снежку маме и бормочет себе под нос:

– Чертовы журналисты!

– Почему они все еще здесь, если у полиции нет никакой новой информации? – восклицаю я. Сведения о проломленном черепе еще не опубликованы.

– Эй, – кричит Том, делая шаг вперед. Но мужчина исчезает за живой изгородью. Я смотрю, как мой муж бросается в погоню за ним по подъездной дорожке. – Эй! Подождите! – Добежав до въезда, Том останавливается, оглядывается на нас и пожимает плечами. – Он удрал.

Лорна

Лорна смотрит, как Том спешит к ним. Подойдя к Саффи, он обвивает рукой ее плечи, и Лорна ощущает укол зависти к той связи, которая явно существует между ними. Когда-то у них с Юэном было точно так же. Но появление ребенка в ту пору, когда они оба сами были еще детьми, наложило свой отпечаток на их отношения. Саффи выглядит мило в своем широком полукомбинезоне, губа у нее чуть прикушена. Она всегда так делала в детстве. Лорна постоянно говорила ей прекратить это.

– Странно, – произносит Том, тяжело дыша. – Он, наверное, журналист, но почему тогда убежал, когда я окликнул его? Почему ничего у нас не спросил?

Лорна с облегчением отдает ему собачий поводок. Она никогда не любила животных.

На лице Саффи написано хмурое беспокойство.

– Я видела его раньше. Недавно, – говорит она.

Лорна уже знает, что ее дочь раздует это маленькое происшествие до размеров трагедии. Какое же буйное у нее воображение! Бедная, вечно тревожная малышка... Когда ей было четыре года, она вбила себе в голову, что монстр или

дракон может проникнуть в их квартиру, и Лорна в течение нескольких месяцев каждый вечер сидела на краю постели Саффи, убеждая дочь, что это невозможно.

– Дорогая, это, скорее всего, просто очередной репортер, – говорит она, успокаивающе взяв Саффи за локоть. – Следовало ожидать, что они будут крутиться тут. Пойдем, мне не терпится заглянуть в этот коттедж.

Саффи смотрит назад на дорогу, взгляд ее больших карих глаз мечется туда-сюда, как у испуганного щенка, но потом она поворачивается к Лорне, сжав губы в плотную линию, и кивает.

Том проводит их через арочную входную дверь в небольшой коридор с выступающими потолочными балками и продольными половицами. Он отходит в сторону, чтобы женщины могли переступить порог первыми. Лорна замечает, что макушку Тома от балок отделяет всего несколько дюймов. Его лицо выражает гордость, и она вспоминает слова Саффи, сказанные в машине.

– Великолепно сделано, Том, – говорит Лорна, оглядывая стены, окрашенные краской «Фарроу энд Болл», и отциклеванный пол.

– Гостиная там, – Саффи указывает на деревянную дверь слева от них, – а в конце коридора – кухня. Она маленькая, но стол туда вполне поместился. И...

Но Лорна машинально сворачивает направо, в комнату перед лестницей. Она распахивает дверь, и в ее сознании

вспыхивает картинка. Швейная машинка. Звук качающейся ножной педали – клац-клац-клац. Лорна часто моргает. Когда зрение проясняется, она видит, что никакой швейной машинки нет. Только стол у окна, на нем компьютер, стены оклеены уродливыми старомодными бумажными обоями желто-коричневой расцветки.

– Мой кабинет, – говорит Саффи, стоящая позади нее. – Мы еще не успели его отделать. Думаю, эти обои не меняли уже лет пятьдесят!

Лорна оборачивается к дочери, заставляя себя улыбнуться. Швейная машинка. В доме ее матери в Бристоле такой не было.

– Милая комнатка – говорит она. – Когда ее покрасят, она будет выглядеть просто замечательно.

Саффи отвечает ей неуверенной улыбкой, словно чувствуя, что Лорна чем-то встревожена.

– А наверху... – Она указывает на лестницу. Ступени некрашенные: были ли они такими раньше? – Там три спальни. Главная спальня в передней части дома, затем маленькая двухместная и одноместная с видом на задний сад, где мы хотим сделать дет... – Она умолкает, на ее лице появляется выражение ужаса.

– Что? Ты... – Внезапно Лорну осеняет. Округлившееся лицо Саффи, увеличившийся вес... – Ты собиралась сказать «детскую комнату»?

Щеки Саффи становятся пунцовыми, она кивает с вино-

ватым видом.

– Да. Я беременна.

Лорна чувствует головокружение. Ее дочь беременна. Черт! Она еще так молода... Она же еще ребенок – ее ребенок... Как же обидно! Саффи всего двадцать четыре года, она еще не успела пожить для себя. Неужели она ничему не научилась на примере Лорны? Та всегда говорила ей, что нужно подождать, пока она повзрослеет и сделает карьеру, прежде чем выходить замуж и заводить детей.

– Я... Вот это да! Замечательная новость, милая! Поздравляю! – выговаривает Лорна, скрывая свои истинные чувства. Она обнимает дочь, хотя чувствует, как Саффи при этом напрягается. Неужели Лорна настолько неубедительна? Она отстраняется, чтобы обратиться к Тому, который неловко стоит у входной двери, все еще держа ее чемодан. Снежок сидит у его ног, склонив голову на одну сторону, и смотрит на нее. – И тебя тоже, Том. Вот это круто! – Она поворачивается к дочери. – Какой срок? Ты уже прошла сканирование на третьем месяце?

Саффи кивает, румянец ползет по ее шее вниз к вырезу сине-белой полосатой футболки.

– Да. Сейчас я на семнадцатой неделе. Ребенок предположительно должен родиться тринадцатого октября.

Семнадцать недель. Это значит, что Саффи знает о своей беременности в течение двух, возможно, даже трех месяцев. Лорна не может отделаться от чувства обиды из-за того,

что дочь не сказала ей сразу. Сама Лорна, конечно, скрывала беременность от матери, но ведь ей было неполных шестнадцать, когда она узнала о своем положении, а Юэн был всего на год старше. Лорна была на пятом месяце, когда Роуз заметила это. Маленькая дикарка, единственная дочь тихой и спокойной Роуз Грей сделала то, что соседи пророчили ей вот уже много лет. Она залетела, когда еще училась в школе. Ей дали прозвище Залеточка. Лорна ни о чем не жалела. Может быть, она и разошлась с Юэном, когда Саффи было всего пять, но до того у них все было хорошо, они съехались, поженились, а развод был только через несколько лет. Но отец остался важной частью жизни Саффи: в детстве и подростковом возрасте она проводила с ним каждые выходные в его маленькой лондонской квартире, и Лорна знает, что они по-прежнему дружны. Ни Лорна, ни Юэн так и не вступили в брак повторно, и Лорна сохранила его фамилию.

Она предвидела тот день, когда станет бабушкой. Она знала, что не будет старой, ведь она была такой молодой матерью... Но ожидала при этом, что будет старше сорока одного года. Что подумает Альберто?

Все это пронесется в ее голове со скоростью света. И тогда она берет себя в руки. Она ведет себя эгоистично. Дело не в ней. Речь идет о Саффи, Томе и их ребенке.

– Я так рада за тебя, дорогая, честное слово.

Саффи, похоже, вздыхает с облегчением.

– Это не было запланировано, но... – С ее губ слетает

нервный смешок. – Ну, ты знаешь.

Лорна тоже смеется.

– Я уж точно знаю. А ты... уже рассказала своему отцу?

– Еще нет. Я хотела сначала сообщить тебе.

Лорна старается подавить ликование: по крайней мере, она узнала об этом раньше Юэна.

– Ну тогда пойдем. Давай поставим чайник, а потом ты покажешь мне, где были зарыты трупы... Ох, я и не думала, что когда-либо произнесу такие слова.

Том объявляет, что собирается выгулять Снежка вокруг квартала, чтобы дать им время поболтать наедине, и скрывается за дверь. Почему-то у Лорны возникает чувство, что ему не терпится поскорее уйти. Хотя она рада тому, что на какое-то время они остались с дочерью вдвоем.

Кухня маленькая и старомодная, и, едва войдя, Лорна сразу же направляется к окну. За стеклом она видит беспорядок в саду: брошенный экскаватор, вырытые плиты террасы, огромную яму в земле и мрачный фон всего этого – густой лес. У нее по коже бегут мурашки. Она чувствует за спиной присутствие Саффи, но не оборачивается. Ей кажется, будто в затылок ей сквозит от двери, и она вздрагивает. В конце сада, возле самого леса, растет высокое дерево с фиолетовыми цветами; одна его толстая ветвь похожа на руку, протянутую к дому. Лорна делает резкий вдох.

– Что случилось, мама? – спрашивает Саффи.

– Это дерево... – Она качает головой. *Фиолетовые ле-*

пестки. Она клала их в ведерко с водой и растирала в кашицу. Она точно помнит это. – Я играла в этом саду. Все это такое знакомое! Мне кажется... Мне кажется, что когда-то вон на той ветке висели веревочные качели. Я играла, при-творяясь, будто делаю духи из этих цветов.

Она чувствует, как теплая рука Саффи сжимает ее плечо.

– Вот это да, мама!

Лорна поворачивается к дочери.

– Ты рада тому, что можешь жить здесь? Теперь, зная, что здесь случилось?

Вид у Саффи бледный, словно она вот-вот заплачет.

– Я... Нам больше некуда податься. И прежде здесь мне очень нравилось.

Лорна сглатывает комок, внезапно вставший в горле.

– Понимаю.

– И это случилось давным-давно, верно? Хотя не так давно, как я надеялась. – Саффи невесело улыбается. Затем смотрит в окно. – Мы даже не знаем, кем были эти люди.

– Может быть, полиция определит по записям стоматологов... Ты не против выйти на улицу? Я бы хотела взглянуть поближе.

– Теперь, когда полиция закончила тут свои дела, нам разрешили выходить в сад. Я возьму ключ от черного хода. Подожди секунду.

Саффи медленно выходит из кухни, ссутулив плечи, и Лорне хочется обнять ее.

– Пойдем. – Дочь возвращается, и Лорна отодвигается с дороги, чтобы она могла открыть дверь, разделенную по вертикали на две половинки, словно в конюшне. Они вместе выходят в сад. Солнце уже садится, и деревья отбрасывают длинные тени на лужайку.

Они пробираются по неровной земле к зияющей яме – она очень глубокая, и по мере приближения Лорна чувствует запах влажной земли.

– Полиция проверила, что там больше нет трупов? – спрашивает она. У нее возникает такое же ощущение, как при посещениях кладбища, когда буквально под ногами лежат мертвые тела. Хотя сейчас она знает, что трупы отсюда уже увезли.

Саффи кивает.

– Полиция проводила обыск со специально натасканными собаками. Не волнуйся, тут больше ничего такого нет...

Лорна одной рукой обнимает Саффи за плечи.

– Пойдем выпьем по чашке чая, а потом ты покажешь мне мою комнату.

* * *

Позже, после того как Том со Снежком возвращается в дом и они втроем усаживаются поужинать вокруг маленького деревянного стола на кухне – Саффи отодвинула его от стены, чтобы освободить место для Лорны, – она снова за-

трагивает тему ребенка.

– Так вы уже придумали какое-нибудь имя? Или несколько имен?

– Не совсем, – говорит Саффи с набитым ртом.

– А мальчик или девочка – вы собираетесь узнавать?

Саффи смотрит на Тома.

– Нет. Мы хотим, чтобы это был сюрприз.

– Ты хочешь, – добродушно поправляет Том. – Я не против узнать.

– Я просто думаю, что это будет приятный сюрприз.

– Но если мы узнаем, то пойдем, в какой цвет покрасить детскую!

Саффи закатывает глаза.

– Какой ты у меня практичный! – говорит она с нежностью. – Мы можем покрасить ее в бледно-серый цвет.

Лорна старается удержаться от гримасы. Что за цвет для детской – серый? Разве это цвет?

Саффи тянется через стол, берет руку Тома и сжимает ее. Дочь Лорны больше похожа на своего отца в выражении чувств, но любовь, которую она испытывает к этому мужчине, буквально светится в ее глазах. Это еще больше подчеркивает, чего Лорне не хватает в отношениях с Альберто. И вообще с любым из мужчин в ее прошлом, кроме, может быть, Юэна. Но они были так молоды...

Саффи откладывает нож и вилку, взгляд ее затуманивается.

– Я все время думаю о бабушке. Она должна была бы находиться здесь, с нами.

– Я знаю, дорогая, – мягко говорит Лорна.

На глаза Саффи наворачиваются слезы.

– Как ты думаешь, ей хорошо там, в «Элм-Брук»? Я беспокоюсь, что бабушка несчастна и не понимает, почему она там. Что у нее бывают моменты, когда ей страшно. Как ты думаешь, мы могли бы привезти ее сюда, к нам в гости?

– Это может сбить ее с толку. А там о ней хорошо заботятся. Это хороший дом престарелых, я все разузнала.

У Саффи глаза всегда были на мокром месте, как говорила Лорна. Она была невероятно чувствительным ребенком. Однажды во время отдыха в Португалии, когда ей было девять лет, Саффи разрыдалась в ресторане, увидев в аквариуме омаров, которых должны были вскоре сварить на кухне. Ей понадобилось несколько дней, чтобы прийти в себя. Она часами переживала из-за бездомного человека на улице или бродячей собаки.

– Но... это ведь не *ее* дом, правда?

– То, что ты живешь здесь, наверное, напоминает тебе о ней?

Саффи кривится, сдерживая слезы.

– Напоминает. И я скучаю по ней.

– Я тоже. – Лорна осознает, что это правда. Когда родилась Саффи, Роуз сразу полюбила свою единственную внучку, и они всегда были очень близки. Лорне было приятно,

что они так тепло относятся друг к другу, и она старалась – действительно старалась – не быть третьей лишней, когда они были вместе. Они были так похожи между собой – она это видела. Но различия стали причиной отчуждения между Лорной и ее матерью, и она поклялась, что никогда не позволит, чтобы подобное случилось с ней и Саффи.

– Почему бы тебе не показать мне, где будет детская комната? – предлагает Лорна, надеясь подбодрить дочь.

Лицо Саффи светлеет, и она ведет Лорну в коридор и вверх по лестнице.

– Мы собираемся купить ковровую дорожку на ступени, но не можем определиться с выбором материала. Может быть, шерстяную... – Саффи пожимает плечами. – Или что-то в этом роде.

На верхней площадке они сворачивают в маленькую спальню. Размер ее примерно восемь на девять футов, не больше, по левую сторону расположен камин; Лорна понимает, что для детской комната идеально подходит. Сейчас она пуста, если не считать нескольких коробок, сложенных в углу. Ковровое покрытие снято, открыв некрашенные половицы, а обои выцвели. Но, как только Лорна заходит в комнату, ее охватывает чувство дежавю, настолько острое, что приходится опереться на подоконник.

– Что случилось? – спрашивает Саффи с тревогой в голосе. – С тобой все в порядке?

– Да. Просто... – Лорна поворачивается к окну, выходя-

щему на задний двор. Отсюда она может видеть фиолетовое дерево. Оно было фиолетовым только весной, а потом листья становились зелеными и опадали на зиму, устилая лужайку. Лорна поворачивается и протягивает руку, чтобы коснуться обоев. Она помнит. Помнит, как лежала в постели в этой самой комнате и пыталась угадать очертания лиц в бутонах роз на обоях.

Лорна поворачивается к дочери.

– Кажется, это была моя детская.

Тео

Могила выглядит голой. Желтые розы, которые Тео принес сюда на прошлой неделе, уже побурели и высохли. Жаркая погода, должно быть, ускорила их увядание.

– Значит, твой отец больше не приходит сюда? – спрашивает стоящая рядом Джен, озвучивая мысли Тео.

– Ты удивлена? – произносит он, стараясь, чтобы голос звучал бесстрастно.

В ответ его жена поднимает ухоженные брови. Она слегка сжимает его руку, но ничего не говорит. Тео знает, что она не любит его отца – да и с чего бы ей любить его после того, как он отнесся к ней? – но никогда не говорит о нем плохо. Жена протягивает Тео букет ярких цветов, которые они купили по дороге сюда.

– Я оставлю тебя ненадолго.

– Ты не обязана уходить.

– Я знаю, что ты любишь с ней разговаривать.

Он улыбается ей.

– Ты считаешь это странным.

Тео сказал Джен об этом однажды, в самом начале их отношений, а потом сразу же пожалел об этом. Он не хотел,

чтобы она считала его плаксивым маменькиным сынком.

– Конечно, это не странно. Я просто жалею, что у меня не было возможности познакомиться с ней.

– Ты бы ей понравилась.

И это чистая правда. Джен нравится всем. Она мгновенно располагает к себе людей своей энергией и душевной теплотой. Ее нельзя не полюбить.

Жена тянется к Тео и целует его, для чего ей приходится встать на цыпочки.

– Я буду неподалеку, почитаю надписи на старых могилах.

– А вот это как раз *странно*... – смеется Тео.

– Да ну тебя! Это интересно! – Джен улыбается ему через плечо и идет к старому потрескавшемуся надгробию, увенчанному высокой фигурой ангела.

Тео смотрит ей вслед. На Джен длинная летняя юбка и облегающая футболка. Ее плечи расправлены, узел землянично-белокурых волос на макушке подрагивает, когда она уверенной размашистой походкой направляется в сторону старой части кладбища.

Затем Тео поворачивается обратно к могиле своей матери.

– Она старается держаться, мама, – говорит он. – Она все еще не забеременела, и я знаю, что она волнуется. Мы пытались почти год.

Тео задается вопросом, смог бы он говорить так же откровенно, будь его мать жива? Наклоняется, чтобы вынуть

мертвые розы из вазы. Едкий запах затхлой воды бьет в нос. Тео запикивает розы в пластиковый пакет, чтобы потом отправить их в компостную кучу, и заменяет свежим букетом.

Он приходит сюда каждую субботу – в основном без Джен, так как она работает в салоне красоты в городе и обычно у нее свободна только одна суббота в месяц, – и каждый раз надеется увидеть что-нибудь, кроме увядших цветов недельной давности. Что-нибудь, что покажет, что его отец посетил это место. Что ему не все равно. Но за много лет Тео так и не увидел никаких признаков того, что отец ходит сюда. Задним числом он припоминает: постепенно, в течение первого года или двух отец терял интерес к визитам на кладбище. Тео подозревает: он больше не посещает могилу потому, что считает это излишними сантиментами. Если не приходиться сюда, то можно сделать вид, будто ничего не случилось.

Тео опускается на колени на сухую траву и проводит пальцами по дате на надгробии. *Среда, 12 мая 2004 года.* Сегодня четырнадцатая годовщина ее смерти. Он удивляется: как могло пройти четырнадцать лет, если по-прежнему кажется, что это случилось вчера? Тео учился в университете в Йорке, когда раздался телефонный звонок, изменивший его жизнь. Ему было девятнадцать лет. Несмотря на дневную жару, при воспоминании об этом он вздрагивает. Низкий, властный и одновременно полный скрытых эмоций голос его отца на том конце линии. «Она упала, – сказал он. – Она упала с лестницы и умерла. Мне так жаль, сынок. Мне так жаль...» Тео

стоял в баре студенческого союза с группой приятелей, толпившихся по обе стороны от него, держал в руке мобильный телефон и никак не мог понять, что говорит ему отец, в то время как все вокруг пьют, поют и веселятся. «Тебе нужно приехать домой». Тео сразу же сел на автобус, радуясь, что долгожданная попойка только началась и он успел выпить всего полпинты. Даже спустя столько лет Тео отчетливо помнит поездку из Йорка в Харрогейт. Он помнит, как надеялся, что его отец что-то перепутал или неправильно понял, хотя и знал, что с его острым умом все в порядке.

В больнице отец выглядел разбитым. Похудевшим и старым. «Что мне делать? – твердил он снова и снова, его лицо было серым от горя. – Что мне теперь делать?»

Тео так и не вернулся в университет, чтобы получить диплом врача. Вместо этого он до конца того учебного года прожил в уродливом отцовском особняке, который всегда ненавидел, и пытался найти в каждом его уголке воспоминания о матери.

Но вместо этого, закрывая по ночам глаза, он видел, как мама падает с этой долбаной витой дубовой лестницы, а потом лежит внизу, словно сломанная кукла. Судя по всему, она пролежала там весь день, пока его отец не пришел с работы и не нашел ее. Отец сказал, что она умерла мгновенно, но Тео до сих пор не знает, верить ли этому. Его до сих пор мучает мысль, что она лежала там, на паркете, натертом пчелиным воском, страдала от боли и не могла пошевелить-

ся, чтобы дойти до телефона и вызвать помощь. Она умерла, когда Тео трахал свою первую девушку в тесной комнате общежития в Йорке. В сентябре того года он перешел на обучение по другой специальности: «Ресторанное и гостиничное дело», – к большому неудовольствию своего отца. Но Тео знал, что мама порадовалась бы за него и сказала бы, что жизнь слишком коротка.

На кладбище нет почти никого, но Тео все равно понижает голос, разговаривая с мамой. Он рассказывает о газетной вырезке, которую нашел в кабинете отца два дня назад.

– Я думаю, папа пытается кого-то найти, – говорит он, держа траву. На ощупь она похожа на солому. Тео не может перестать думать об этой заметке. Он запомнил два имени из газеты. Саффон Катлер и Роуз Грей. *Найти ее*. Но кого из них и зачем?

Все годы после смерти матери отец оставался для Тео загадкой, скрывая часть своей жизни, отказываясь говорить о чем-то важном. В первые месяцы после трагедии оба они не находили покоя, и Тео наивно – как понимает сейчас – полагал, что вдвоем им будет легче. Может быть, они даже сумеют стать ближе. Но после того первого вечера в больнице, когда отец не сдержал редкое для него проявление эмоций, ничего не было. Только молчание. После похорон он вернулся на работу, оставив сына томиться в одиночестве и горе.

Тео знал, что брак его родителей был далеко не идеальным. Сейчас, оглядываясь назад, он видит, что его отец был

собственником. К примеру, требовал от мамы сменить наряд, если считал, что на ней надето что-то «слишком дерзкое», как он выражался. Тео никогда не считал, что его мама выглядит дерзко. Джен – и совершенно справедливо – дала бы Тео пощечину, если бы он хоть раз сказал ей что-то подобное. Он улыбается при мысли о своей энергичной жене. Своей маленькой зажигательной бомбе. Но мама только безропотно вздыхала, а потом шла и переодевалась во что-то более скромное, чтобы угодить мужу. Она очень редко ходила куда-либо с подругами – на самом деле Тео даже не помнит, чтобы у нее были подруги. Его родители вместе с другими парами – пожилыми парами с папиной работы – посещали скучные гала-концерты и званые обеды. Но мама никогда не отлучалась надолго без отца.

Тео не знает, что она делала в доме весь день, пока его отец был на работе, но сама мама никогда не работала. Однажды, когда ему было около шестнадцати лет, он пришел домой из школы пораньше и застал ее плачущей у туалетного столика. Глаза у нее опухли, и Тео был уверен, что заметил на ее плече багровый кровоподтек, который она поспешно прикрыла кардиганом, когда сын вошел в ее спальню. Когда он спросил, все ли у нее в порядке, она ответила: «Я чувствую себя пленницей». Это был редкий момент откровенности. А затем мама одарила его вымученной улыбкой и сказала, что она просто глупая, что это гормоны и чтобы он не обращал на нее внимания. Но это на несколько дней заста-

вило Тео встревожиться. Он стал внимательнее наблюдать за своими родителями. Они общались друг с другом совсем иначе, чем родители его друзей. «Он просто привык быть начальником, милый. Твой отец – замечательный человек. Он очень много работает. И из-за этого может испытывать небольшой стресс». Но Тео никогда не видел, чтобы его отец поднял руку на маму. Если б он увидел, то ударил бы его.

– Мне очень многое хотелось бы спросить у тебя, – говорит сейчас Тео. – И обещаю, что, если мне когда-нибудь повезет стать отцом, я не буду таким бездушным и отстраненным, как *он*. – Встает и стряхивает пыль со своих джинсов. – Увидимся через неделю. Люблю тебя, мама.

Он идет к Джен, которая стоит у огромного надгробия двухсотлетней давности с именами десяти членов одной семьи, запечатленными на нем. Тео подходит к ней сзади и обнимает ее за талию.

– Все, – говорит он.

– Может, пойдем и выпьем кофе? – предлагает она, поворачиваясь к нему. Потом слегка хмурится. – В чем дело? Ты выглядишь... обеспокоенным.

– Не знаю. Мне кажется, что-то не так – с отцом и с этой заметкой.

Тео рассказал Джен обо всем в тот же день, поздно вечером после смены.

– Почему бы тебе просто не спросить его об этом?

– Мой отец не такой, как твой.

Его тесть – полная противоположность его отцу: душевный, добрый, веселый, любящий.

– Знаю, но если ты спросишь прямо, он не сможет отвертеться. Тео, – мягко произносит она, – ты знаешь, что я люблю тебя, но когда дело касается твоего отца, ты... не знаю, как сказать... обходишь его стороной.

Тео смеется.

– Осторожничаю.

– Да, осторожничаешь. Как будто ты его боишься.

– Ты же знаешь, какой у меня отец.

– Знаю. Он внушает трепет, не буду врать.

Его жена ведет себя дипломатично. Даже такая энергичная и яркая натура, как Джен, не смогла покорить душу его отца. Тео никогда не говорил ей об этом, но после того, как он впервые привел ее в родной дом, его отец сказал, что она простушка. Это был единственный раз после смерти мамы, когда Тео восстал против отца. Он сказал ему, что любит ее и если когда-нибудь узнает, что отец сказал или сделал что-то плохое по отношению к ней, то никогда больше не будет с ним разговаривать. Его отец выглядел потрясенным, а потом пробормотал что-то насчет того, что эти отношения не будут долгими. Но с тех пор прошло пять лет, и последние три года Тео и Джен состояли в законном браке.

– Он не скажет мне правду. Отцу следовало бы стать политиком.

– Должен же быть кто-то, кого ты можешь спросить. Я

знаю, что твои дедушка и бабушка умерли, но... хоть кто-то, кузен или кузина?

Тео берет жену за руку, и они вместе уходят с кладбища. Он не знает своих двоюродных братьев и сестер. Джен трудно это понять, потому что у нее огромная семья и все они ладят между собой.

– Для начала спрошу у него. И, если он не даст мне ответа, я узнаю сам.

– Хорошо. А я помогу. Чтобы отвлечься. – Она улыбается, но ее глаза блестят слишком ярко. Сердце Тео сжимается.

– Джен... мы могли бы сходить к какому-нибудь врачу. Сдать анализы...

Она качает головой, светлый локон падает ей на глаза.

– Пока не надо. Я еще не готова к этому. Давай пока просто подождем.

Он целует ее руку, но его мысли уже возвращаются к отцу и газетной вырезке. «Завтра, – обещает себе Тео. – Завтра я узнаю, кого и зачем ищет мой отец».

Лорна

Слишком темно и тихо, и Лорне трудно уснуть на жестком футоне, зная, что ее дочь со своим мужчиной находятся прямо за стеной. Ей все еще трудно свыкнуться с мыслью, что ее единственное дитя занимается сексом и теперь вынашивает ребенка. *Ребенка*. Она не может поверить, что скоро станет бабушкой.

Ей не хватает звуков Сан-Себастьяна – смеха и криков подростков, музыки из соседней закусочной. Успокаивающие звуки городской жизни, а не эта богомерзкая тишина. Затем ее мысли возвращаются к Альберто. Она поворачивается на бок и тянется к телефону, лежащему на сосновой прикроватной тумбочке. Уже за полночь. В Испании на час больше. Но Лорна полагает, что Альберто все еще в своем баре, он неисправимая сова.

Она садится, пытаясь избавиться от навязчивой картины: Альберто в окружении стайки нарядно одетых женщин. Нет смысла лежать и пытаться заснуть – в прошлом Лорна страдала от бессонницы, и все советы, которые она читала по этому поводу, гласили, что нужно встать и чем-нибудь занять себя. Лорна накидывает свое розовое кимоно, тихонько

открывает дверь спальни, чтобы не разбудить Саффи и Тома, и идет по коридору к маленькой спальне – будущей детской. *Бывшей детской*. Ее тянет сюда, к этой спальне, к этой возможности заглянуть в свое прошлое. Она толкает дверь, скрипит, прежде чем войти в комнату.

На окне нет занавесок, и блик лунного света освещает пятно черного лака, прилипшего, как смола, к одной из половиц. Лорна стоит у окна, выходящего в сад. В темноте яма в земле выглядит еще более зловеще. Лес, густой и старый, тянется вдоль дальней границы сада. Она заставляет себя вспоминать. Шепчет своему отражению: «Что здесь произошло?» Но оно просто смотрит на нее в ответ, словно призрак с пышными вьющимися волосами и широко распахнутыми глазами, полными страха. Лорна отворачивается от окна, чтобы осмотреть комнату. Ее кровать стояла в том углу, у двери, там, где сейчас стоят коробки. Да, да, она помнит. У кровати был белый железный каркас, она была застелена пестрым вязаным покрывалом с большими желтыми маргаритками, а под кроватью маленькая Лорна держала пару красных лакированных туфельек, как у Дороти в «Волшебнике страны Оз». Она давным-давно забыла об этих туфельках. А ведь она их очень любила. Куда они делись, когда они с матерью переехали в Бристоль? А кровать с железным каркасом и вязаное покрывало?

Обои местами выцвели, местами пожелтели. Камину, судя по его виду, требуется ремонт, а на деревянной камин-

ной полке лежит толстый слой пыли. Прошлые жильцы явно не пользовались этой комнатой. Саффи и Тому придется потрудиться, если они хотят превратить ее в детскую. Лорна снова поворачивается к окну. На луну надвигается облако, и на несколько мгновений лес и сад становятся особенно мрачными и зловещими.

Ей следовало бы вернуться в постель и почитать – она еще не начала читать новую книгу Мэриан Кейз. Лорна плотнее запахивается в кимоно. Теперь ей холодно, ее слегка знобит.

Когда она уже собирается повернуться и уйти, ее внимание привлекает что-то яркое. Проблеск света между деревьями в лесу. Лорна прижимается носом к стеклу и обрамляет лицо ладонями, словно окуляром. Сердце начинает биться чаще. Похоже на свет фонарика. Там кто-то есть, кто-то наблюдает за домом? Она моргает, не отрывая взгляда от точки света, окруженной рассеянным ореолом, – луч фонарика движется между темными стволами. А потом исчезает так же неожиданно, как и появился. Лорна стоит там еще десять минут, напрягая зрение, но ничего не видит.

* * *

На следующее утро Лорна не сообщает дочери о ночном происшествии. Она знает, что это лишь встревожит Саффи, а это сейчас совсем лишнее. Вместо этого, одевшись и съев поджаристый тост, приготовленный Томом (а Саффи про-

должает гонять свою порцию по тарелке), Лорна говорит, что хотела бы погулять в саду.

– Я пойду с тобой, – говорит Саффи, вставая из-за стола. Том уже надевает старую одежду, забрызганную краской, и говорит, что хочет начать красить перила в прихожей.

– Не надо, все в порядке. Ты лучше доедай свой завтрак. Я посмотрю – может быть, вспомню что-нибудь еще.

– А, понятно. Хорошая мысль.

Светит яркое утреннее солнце, но в воздухе чувствуется прохлада, а на траве лежит роса, и, когда Лорна ступает на лужайку, в ее босоножки проникает сырость. Она глубоко вдыхает чистый деревенский воздух. Сегодня утром он пахнет свежестью, как белье после стирки. Она не обращает внимания на яму в земле и идет дальше, пока не доходит до конца сада, где растет дерево с красивыми фиолетовыми цветами. Лорна гадает, как оно называется. Она делает мысленную пометку спросить у Саффи. Потом поворачивается к коттеджу, дабы убедиться, что ее дочь не смотрит в окно, и ступает на одну из низких толстых веток – высота достаточная, чтобы перепрыгнуть через стену. Это получается у Лорны настолько естественно, что она думает: «Должно быть, я делала так раньше». Придерживаясь за ствол, она спрыгивает на другую сторону.

Там земля суше, а впереди между деревьями выются узкие тропинки, вокруг которых голубеют колокольчики пролесков. Лорна осматривает место, где видела свет прошлой но-

чью. Она не знает, что именно ожидает найти. Может быть, следы? Хотя земля слишком сухая. И тут Лорна что-то замечает. Россыпь пролесков сплющена, как будто кто-то недавно стоял на них. Она подходит ближе, обшаривая взглядом землю, и тут замечает кое-что еще среди вытоптаных цветов. Три окурка.

Прошлой ночью ей это не привиделось. Кто-то прокрался сквозь темноту в лес. Кто-то следил за домом. Наблюдал за ними.

Часть II

11

Роуз

Канун Рождества, 1979 год

В тот вечер, когда я впервые встретила Дафну Хартолл, деревня выглядела красивой как никогда.

Белые светящиеся гирлянды были развешаны между фонарными столбами вдоль центральной улицы и мерцали на фоне тусклого неба; церковный хор стоял на каменных ступенях «рыночного креста» и пел «Тихую ночь» перед огромной елкой, а по краям деревенской площади было установлено несколько дощатых ларьков. Мелисса Браун, владелица единственного в Беггарс-Нук кафе с «креативным» названием «У Мелиссы», не закрывала свое заведение допоздна и предлагала горячие напитки и пироги с фаршем. Запах жареных каштанов и глинтвейна наполнял воздух.

И в то Рождество ты была уже достаточно большой, чтобы

оценить волшебство всего этого.

– Мамочка, попить?

Я посмотрела на тебя. Твой маленький курносый носик был красным от холода, а розовый шарф, который я тебе связала, был натянут на подбородок. Уже стемнело, но время вечернего чая еще не пришло.

– Почему бы и нет? – улыбнулась я, сжимая твою ладошку в мягкой шерстяной варежке. – Как насчет горячего шоколада?

Ты завизжала от восторга и попыталась потащить меня через всю площадь.

И тогда я увидела ее.

Женщину, которой предназначено было изменить мою жизнь. Хотя, конечно, я еще не знала этого.

Она выглядела грустной. Это было первое, о чем я подумала. Она стояла одна у «рыночного креста» и дула на свои голые руки, наблюдая за певцами хора. На ней было тонкое оливково-зеленое бархатное пальто с аппликациями, а отделанные шнуровкой полы свободно болтались вокруг бедер. Я заметила, что она была настолько худой, что ее ключицы торчали из ворота. Вязаный беретик едва прикрывал длинные светлые волосы, разделенные пробором посередине, а через плечо у женщины висела большая сумка. Было видно, что она недавно приехала в деревню. У нее был характерный для новоприбывших взгляд. А для меня было важно присматривать за новичками – даже держась особняком.

Я должна была это делать. Ради своей безопасности. И ради твоей. Эта захолустная деревушка в глубине Котсуолдса была местом, куда люди приезжали, чтобы спрятаться. И я распознала родственную душу, когда увидела ее.

– Мамочка, – позвала ты, дергая меня за руку.

– Прости, Лолли, – сказала я, отводя взгляд от незнакомки и следуя за тобой в кафе. Твои огромные карие глаза загорелись, когда Мелисса протянула тебе горячий шоколад в белом полистироловом стаканчике; поверху громоздилась шапочка взбитых сливок. Я рассмеялась и сказала, что тебе никогда не справиться со всем этим. Потом мы стояли у входа в кафе, сжимая в ладонях теплые стаканы, ты слизывала сливки с горячего шоколада, а я искала взглядом ту женщину среди толпы людей, собравшихся у рождественской елки. Я видела, как она двигалась сквозь эту толпу; ее плечи ссутулились от холода, взгляд метался туда-сюда, словно от испуга. Она выглядела словно загнанный зверь. Так ли я выглядела, когда приехала в деревню три года назад, беременная тобой и отчаянно нуждающаяся в новом начале?

– Подожди секунду, солнышко. Я только перекинусь парой слов с Мелиссой.

Я отпустила твою руку и вошла в кафе. Мелисса Браун была крупной женщиной с седеющими волосами, подстриженными под каре; посередине их делил пробор, а по бокам удерживали заколки. Ей было около сорока лет; старомодная и по воззрениям, и по внешности. Мелисса никогда не была

замужем и всю жизнь прожила в Беггарс-Нук. В результате она знала все обо всех. Ну, почти обо всех. Я знала, что она считает меня загадкой, потому что неоднократно говорила мне это. «Дорогая Роуз, – обычно говорила она, удерживая мои руки в своих широких, липких от сиропа ладонях, – ты такая загадочная!» Эти слова Мелисса обычно произносила после того, как я уворачивалась от одного из ее многочисленных вопросов. Но она всегда была добра ко мне и старалась вовлечь меня в деревенскую жизнь.

В кафе было тихо. Большинство людей все еще собирались у «рыночного креста» или рассматривали прилавки с разноцветной мишурой и аляповатыми украшениями. Ты уже уговорила меня купить одно: маленькую золотую фею, чтобы повесить ее на елку.

– Мелисса, – сказала я, понизив голос, хотя в кафе были только мы с ней. – Ты не знаешь, кто эта женщина? Та, худенькая, в вязаном берете?

Мелисса вытерла руки о свой цветастый фартук и посмотрела на странную женщину, потом покачала головой.

– Никогда не видела ее раньше. Наверное, она из соседней деревни... Ах да, пока не забыла: Нэнси сказала, что кто-то заинтересовался объявлением, которое ты повесила в ее витрине. Ну, тем... о сдаче жилья в аренду.

Нэнси работала в местном магазине и была младшей сестрой Мелиссы. Я специально сформулировала объявление расплывчато, попросив Нэнси взять сведения у тех, кто за-

интересуется предложением, – чтобы я могла впоследствии связаться с ними, а не давать информацию о себе. Я даже не указала в нем свое имя. Я не могла рисковать.

– Это здорово. – Я уже знала, что, если объявлением заинтересуется мужчина, я не стану связываться с ним.

Я и так совершила ошибку с моей последней квартиранткой. Она была подходящего пола, но задавала слишком много вопросов. Хотела подружиться со мной. Так что ей пришлось уйти.

– Я попрошу Нэнси передать тебе контакты – завтра, если хочешь?

Я кивнула, но в этот момент мои мысли уже витали далеко. Я отошла от стойки и направилась туда, где оставила тебя у открытой двери кафе.

И замерла на месте. Тебя не было.

Я отвернулась от тебя всего на несколько минут. Это было глупо с моей стороны. Обычно я никогда не выпускала тебя из виду. Но в тот момент я, вопреки обыкновению, чувствовала себя в безопасности, окруженная всеобщим рождественским весельем, окруженная жителями деревни, которые на самом деле не знали меня, но за которыми я наблюдала последние три года издалека, чтобы понять, кому можно доверять. Все они казались честными, трудолюбивыми людьми. Солью земли. И я думала, что могу доверять тебе – ведь с тех пор, как ты начала ходить, я внушала тебе, что нужно быть осторожной, всегда оставаться рядом со мной.

Не уходить никуда. Но ты была еще маленькой девочкой. Всего два с половиной года. Маленькая девочка, замороженная блеском Рождества.

Ты ушла.

– Лолли! – закричала я, не в силах сдержать панику в голосе. Выбежала из кафе на улицу. Мой взгляд обшаривал тротуары и площадь, церковный хор, который закончил пение «Тихой ночи» и начал расходиться. Значит, прошла всего лишь минута, максимум две. Ты не могла уйти далеко.

Но я не видела тебя нигде. Не видела ни твоего красного пальтишка, ни ярко-розового шарфа, ни цветной шапочки с помпоном. В ушах у меня застучала кровь.

– С тобой все в порядке? – Я услышала голос Мелиссы у меня за спиной, но он был странно искажен, как будто ты оказалась под водой.

– Она пропала! Лолли пропала! – кричала я. – Я не вижу ее! Я нигде ее не вижу!

Люди толпились вокруг, смеялись, разговаривали, потягивали глинтвейн. Мне хотелось закричать на них всех: «ПРОЧЬ С ДОРОГИ! ГДЕ ОНА? ГДЕ МОЙ РЕБЕНОК?» Я чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, паника давила на грудь.

Он забрал тебя. Это все, о чем я могла думать; эти слова кружились в моем сознании, как кадры из фильма ужасов.

Я проталкивалась среди людей, звала тебя по имени. Я чувствовала, что Мелисса идет позади меня, пытаюсь успо-

коить, но не могла понять, что она говорит. Я была в панике. Слепая паника – я слышала, что люди называют это так, и это именно то, что я чувствовала. Я была ослеплена страхом.

Я пробиралась сквозь праздничную толпу, Мелисса не отставала. Я слышала, как она спрашивала прохожих, не видели ли они маленькую девочку в красном пальто.

А потом ты появилась. Я увидела тебя сквозь толпу, ты держалась за руку таинственной женщины – тогда я еще не знала, что ее зовут Дафна Хартолл. Ты улыбалась, но на щеках у тебя виднелись следы от высохших слез.

Я бросилась к тебе, почти оттащив от этой высокой худой женщины, и, присев на корточки, чтобы оказаться лицом к лицу с тобой, обняла, вдыхая твой знакомый сладкий запах.

– Слава богу, слава богу, слава богу...

– Извините, – произнесла женщина, ее голос был хриплым. – Она, похоже, потерялась, и я сказала, что помогу ей найти маму.

Я заметила, что она держит в руке твой полистироловый стаканчик с липким от шоколада ободком.

Я встала, держа тебя за руку и больше всего на свете желая никогда больше не отпускать.

– Вот видишь! – раздался голос позади меня. Это была Мелисса; ее пышная грудь вздымалась и опускалась, когда она хватала воздух ртом. – Я знала... – Вдох, выдох, вдох, выдох. – ... Что с ней все будет в порядке.

– Спасибо, Мелисса. Извини... за чрезмерную реакцию.

Она кивнула, прижимая руку к груди, и сказала, что ничего страшного, но ей лучше вернуться в кафе. Однако, уходя, Мелисса бросила на меня странный взгляд через плечо. Я знала, о чем она думает, – что я слишком заботливая мать. Слишком нервная.

Несколько секунд длилось неловкое молчание, а затем женщина сказала:

– Меня зовут Дафна.

– Роуз, – представилась я. – А это Лолли.

Она улыбнулась, и эта улыбка озарила все ее лицо, сделав его менее мрачным, менее угловатым. Теперь, с близкого расстояния, я видела, что кончики ее длинных ресниц были синими.

– Да, она мне так и сказала. Необычное имя.

– На самом деле ее зовут Лорна. Но ей трудно произносить это имя. Она называла себя Лолли, и это прижилось. Что ж, спасибо вам еще раз. – Я колебалась, размышляя, стоит ли спрашивать. – Вы недавно в деревне?

Она кивнула.

– Я остановилась в одной из комнат над «Оленем и фазаном». Но я ищу жилье. Что-то более постоянное. По крайней мере, на некоторое время.

Я подумала: не она ли интересовалась моим объявлением?

– Возможно, я смогу вам помочь.

Я улыбнулась ей. Она застенчиво улыбнулась в ответ,

сверкнув мелкими белыми зубками. «Это была счастливая случайность, – подумала я. – Нам было предназначено судьбой встретиться здесь и сейчас».

Как же я ошибалась!

Саффи

Пока мы едем к бабушке, мама ведет себя непривычно тихо. Она смотрит в окно, пока мы проезжаем мимо деревенской площади, «рыночного креста» и кафе «Чаша нищего». За окном в лучах яркого солнца блестит шпиль церкви. Ночью прошел дождь, и воздух свежий, как будто только что отмытый, отчего все вокруг выглядит ярче и четче. Может быть, мама думает об Альберто? Она почти не упоминала о нем. Вчера я провела большую часть дня, показывая ей деревню; мы вспоминали бабушку. Том со Снежком незаметно отстали. Мама, казалось, инстинктивно знала дорогу к кафе, а когда она поднялась по выщербленным каменным ступеням «рыночного креста», то сказала, что у нее возникло ощущение дежавю.

– Вот, – произнесла она, указывая на небольшое здание возле церкви. – Я уверена, что здесь была игровая, или воскресная школа, или что-то в этом роде.

Я записала нас на воскресный обед в паб «Олень и фазан», зная, что ей там понравится: моя мама – самый большой гурман из всех, кого я знаю, а паб не раз получал награды за свою кухню. Пока мы шли по мощеным улицам, она

казалась необычайно взволнованной и все время спрашивала, насколько легко добраться до леса, расположенного позади коттеджа. Мама очень редко волнуется настолько сильно. Она позитивный человек и всегда ищет светлую сторону любой ситуации. Когда я спросила ее, что случилось, она замотала головой, неистово раскачивая своими огромными серьгами, и взяла меня под руку.

– Ничего, девочка моя. Мне нравится быть здесь с тобой. А теперь покажи мне, где находится этот чудесный гастропаб. Я не прочь прикончить хороший ростбиф.

– Ты в порядке? – спрашиваю я и сейчас, когда мы выезжаем из деревни по направлению к трассе М4.

Она поворачивается ко мне, сверкая ослепительной улыбкой. Но под искусно нанесенным макияжем лицо ее выглядит усталым.

– Конечно. А почему ты спрашиваешь?

Потому что ты не выпаливаешь двадцать слов за десять секунд, как обычно.

– Просто ты немного... тише, чем обычно, – вместо этого говорю я, желая быть дипломатичной.

– Я беспокоюсь, как там твоя бабушка, вот и все. Будет ли она достаточно в ясном уме для сегодняшнего расспроса?

Солнце внезапно заходит за тучу, и все вокруг омрачается.

– Я тоже беспокоюсь об этом. Я не хочу, чтобы ее напугали, но, по крайней мере, они решили сделать это в доме

престарелых. И хорошо, что ты не уезжаешь до субботы, так что сможешь увидаться с бабушкой перед отъездом.

Мама ерзает на своем сиденье и поправляет одежду. На ней джинсовая блузка в обтяжку, которая слегка тесна ей в груди, белые джинсы и босоножки цвета загара, на высоких каблуках. Ногти у нее на ногах свежеевыкрашены в цвет фуксии. Я не красила свои с Рождества. Не то чтобы это имело значение, поскольку я не вылезая из кед, даже в такую жару. А если и надеваю сандалии, то это мои верные «биркенстоки», которые мама всегда считала *откровенно уродливыми*.

– Я думаю остаться здесь еще на некоторое время. – Она делает паузу. – Если ты не против.

Я гадаю, почему мама решила продлить свое пребывание в Англии. Я думала, что недели ей будет более чем достаточно. Мне казалось, что за неделю она уже соскучится по Альберто и пляжу.

– Конечно, я не против, – отвечаю, хотя это не совсем так. Мамино присутствие наполняет коттедж так, что он кажется еще меньше. Она не может не брать на себя обязанности – готовит для нас, даже если мы не голодны, или, как только мы собираемся расслабиться на диване, затевает стирку и сортирует вещи, которые нужно положить в машинку. Я чувствую себя виноватой, когда мама начинает мыть посуду, и чувствую, что должна помочь, хотя мы с Томом обычно оставляем это до следующего дня, предпочитая расслабиться перед телевизором. Том прекрасно с ней ладит, но вчера

вечером я видела напряжение на его лице, когда она разговаривала с ним, пока он пытался смотреть «Айтишников». – А как же твоя работа?

– Я могу взять небольшой неоплачиваемый отпуск. В любом случае начальство должно мне целую кучу выходных.

– Ладно. Ты знаешь, что можешь оставаться здесь сколько угодно, но мне нужно работать. У меня есть крайние сроки сдачи, – говорю я чистую правду и надеюсь, что она поймет: у меня нет времени сидеть и болтать с ней весь день.

Мама протягивает руку и ласково похлопывает меня по колену, ее браслеты звенят.

– Тебе нет нужды беспокоиться обо мне. Просто делай то, что ты делаешь обычно, и притворись, что меня здесь нет.

Мне хочется смеяться. С моей мамой это просто невозможно.

– Альберто не будет возражать?

Она пренебрежительно машет рукой, кольца и браслеты блестят на свету.

– Предоставь это мне. Все будет хорошо.

Я подавляю беспокойство. Не могу отделаться от мысли, что мама убегает от своей жизни в Испании, от проблем, которые у нее, несомненно, есть в отношениях с Альберто. Я чувствую себя виноватой, что у меня есть Том и скоро будет ребенок, а мама так и не смогла устроиться в жизни.

С ее губ слетает резкий смешок, заставляя меня вздрогнуть.

– Милая, у тебя невероятно серьезный вид. Перестань волноваться.

– Я не волнуюсь.

– Ты опять кусаешь губу. Ты всегда так делаешь, когда волнуешься. Я взрослая женщина. Со мной все будет хорошо. Тебе не нужно беспокоиться обо мне... Это мне нужно беспокоиться о тебе.

Я хмурюсь.

– Почему тебе нужно беспокоиться обо мне?

– Я имею в виду... – Мама крутит на указательном пальце кольцо – подарок моего отца. Оно с сапфиром, очень красивое, и, хотя мои родители расстались много лет назад, мама никогда его не снимает. – Ну, это просто общий момент, понимаешь? Материнский долг.

Почему у меня такое чувство, будто она что-то недоговаривает?

Солнце вырывается из-за туч, яркое и слепящее, и мне приходится опустить козырек. Но мама права. Я волнуюсь. Я волнуюсь из-за того, что меня тошнит даже от чая без кофеина и половинки тоста, я волнуюсь из-за встречи с полицией, из-за бабушкиного допроса. Я волнуюсь о том, что она скажет.

* * *

Когда мы приходим, бабушка сидит в своем обычном

кресле в углу комнаты дневного отдыха. Солнце проникает сквозь стекло, и кажется, что здесь слишком жарко и душно. Высокие окна плотно закрыты, а бабушка одета в розовый джемпер. Как она еще не сварилась?

Сегодня бабушка не собирает пазл. Вместо этого она, глубоко задумавшись, смотрит на сады за окном. Интересно, о чем она думает?

– Боже, – шепчет мама, прижимая руку к горлу. – Она так похудела и постарела с тех пор, как я видела ее в последний раз... – Ее голос срывается.

Я заставляю свои нервы уняться и смотрю на часы. Уже десять. Полиция сказала, что они придут около десяти тридцати.

Джой, директор дома престарелых, худая строгая женщина лет пятидесяти, подходит к нам – мы все еще стоим в дверях комнаты.

– У Роуз хороший день, – сообщает она. Она улыбается, но эта улыбка не отражается в ее глазах, смотрящих из-за очков в роговой оправе. У нее всегда такой вид, как будто она ждет неприятностей. – Я дам вам знать, когда придет полиция. Не хочу, чтобы они приходили сюда и отвлекали других обитателей нашего дома.

Мама кивает, благодарит Джой, и мы идем к бабушке. Рядом с ней стоит двухместный плетеный диванчик, и мы вместе опускаемся на него.

Бабушка не поднимает глаз, когда мы садимся рядом с

ней, – продолжает смотреть вдаль. Сегодня она надела свои вставные зубы. Я так привыкла видеть ее без них, что сразу замечаю, как они меняют форму ее лица, подчеркивая линию челюсти и делая ее взгляд более суровым.

– Привет, ба, – начинаю я, подавшись в ее сторону. Я сажу ближе к ней.

Мама перегибается через меня и протягивает руку, чтобы взять бабушкину ладонь.

– Рада тебя видеть, мама. Ты хорошо выглядишь.

Но бабушка поворачивается и хмуро смотрит на маму. Ее взгляд пуст.

– Кто ты?

Мое сердце замирает.

– Я Лорна. Твоя дочь.

Мамин голос дрожит. На лице бабушки отражается мимолетная паника.

– У меня нет дочери.

Мои глаза наполняются слезами при виде сокрушенного выражения на мамином лице, и я быстро моргаю, чтобы не дать им пролиться. Слезами тут не поможешь. Мама быстро приходит в себя.

– Конечно, есть. И внучка тоже.

Но она убирает свою руку от бабушкиной.

Бабушка поворачивается ко мне, в ее глазах вспыхивает искорка узнавания.

– Саффи!

Я улыбаюсь, стараясь не смотреть на маму.

– Привет, бабушка.

– Как поживает твой прекрасный мужчина?

– С ним все в порядке.

– Надеюсь, ты хорошо кормишь его.

Я смеюсь. Мама откидывается на спинку дивана, совершенно подавленная.

– Сегодня не четверг. Обычно ты приходишь ко мне в четверг.

Иногда меня потрясает то, какие мелочи помнит бабушка. А иногда мне кажется, что кто-то пробрался в дом престарелых поздно ночью и стер ей память. Это выглядит еще более жестоко сейчас, когда она не может вспомнить маму, но так разумно говорит о других вещах.

– Сегодня понедельник, ты права. Но сегодня приезжает полиция. Помнишь, на прошлой неделе я рассказывала тебе о трупах в саду?

Бабушка напрягается, а мама выжидательно подается вперед.

– Зачем я понадобилась полиции?

– Они просто хотят задать тебе несколько вопросов, вот и все, потому что ты раньше жила в этом доме.

Она нервно щурится.

– Просто постарайся ответить на них как можно яснее. Ты... в прошлый раз ты упоминала о Шейле. И о Викторе.

– Шейла. Злая маленькая девочка.

Кто эта Шейла, о которой она постоянно упоминает? Как бы я ни хотела узнать больше, мне нужно заставить ее сосредоточиться на конкретной теме.

– Ты можешь вспомнить свою жизнь в коттедже, бабушка? Бабушка выпрямляется.

– Конечно, могу. Я же не безмозглая идиотка.

Я ошеломлена. Бабушка никогда раньше так со мной не разговаривала, и я никогда не слышала, чтобы она ругалась.

– Я знаю, что ты не идиотка, – тихо говорю я.

Мама вклинивается в нашу беседу:

– Я думаю, нам следует оставить допросы полиции, Саффи.

– Я не собираюсь никого допрашивать, – отвечаю я, бросая на маму сердитый взгляд. Хотя знаю, что допрашиваю. Но мама не понимает, как вести себя с бабушкой. А я понимаю. Мы втроем погружаемся в молчание. Я знаю: мама молча размышляет о том, что бабушка забыла, кто она такая. И я понимаю, как это обидно, но иногда бабушка забывает даже меня. Мама нечасто навещала бабушку с тех пор, как ее поместили в дом престарелых. Я должна была предупредить ее, что так бывает.

– Джин ударила ее, – внезапно произносит бабушка, нарушая тишину.

Я наклоняюсь к ней.

– Кто такая Джин?

– Джин ударила ее. Джин ударила ее по голове, и она упала

на землю.

Я задерживаю дыхание, не желая прерывать поток ее сознания. Я чувствую напряжение, исходящее от мамы.

Может быть, бабушка все-таки что-то знает о трупах?

Мы ждем... одно мгновение, два... Мама открывает рот, и я качаю головой. «Нет, – безмолвно умоляю я ее. – Не говори ничего».

– Я не знала, что делать. Все говорили, что она злая. Все говорили, что она плохо поступает. Виктор пытался навредить нам.

Я осторожно наклоняюсь вперед, чтобы не сбить ее с мысли.

– Бабушка... ты говоришь, что кто-то по имени Джин убила женщину в Скелтон-Плейс? – Я поворачиваюсь и в ужасе смотрю на маму.

– Виктор... Шейла...

Я потираю виски, чувствуя, как начинает болеть голова. Бабушка ничего не понимает, и я тоже. «Это просто голос деменции», – говорю я себе. До моего прошлого визита я никогда не слышала, чтобы бабушка упоминала эти имена.

К счастью, в этот момент к нам подходит Джой.

– Приехала полиция, – шепчет она, оглядываясь по сторонам, дабы убедиться, что другие жильцы дома престарелых ее не слышат. – Полагаю, всем вам следует пройти со мной.

Лорна

Они следуют за Джой в комнату рядом с вестибюлем – в этой комнате есть камин, а рельефные обои цветом напоминают голубое утиное яйцо. Саффи держит бабушку за руку, и сердце Лорны тихо разрывается. Разрывается не только от вида матери, выглядящей намного старше, чем в прошлый раз, когда она навещала ее полгода назад, но и от шока, что та ее не узнает. Лорна знает, что не навещала ее так часто, как следовало бы. Из Испании до Англии добираться долго. Во всяком случае, так она всегда себе говорила. Но в глубине души она признает, что могла бы делать это чаще, если бы действительно хотела. Это всего лишь девяносто минут полета на самолете. Но было проще не думать о своей матери, которая угасала в доме престарелых, теряя здравый рассудок. Вместо этого было проще играть в любовь с нелепо накачанными и совершенно не подходящими Лорне мальчиками. Теперь ее гложет чувство вины. Она оказалась ужасной дочерью.

В двух креслах с цветастой обивкой по разным сторонам от камина сидят мужчины в рубашках с расстегнутыми воротниками и отглаженных форменных брюках. На их лицах

блестят капельки пота. Здесь еще жарче, чем в комнате дневного отдыха. Старший из них – лет сорока, на взгляд Лорны, с редящими волосами, голубыми глазами и четко вылепленной челюстью – встает, когда они входят. Мужчина помоложе – около тридцати лет, невысокий и коренастый, с всклокоченными волосами мутновато-коричневого цвета – остается сидеть. Он пьет из прозрачного старбаксовского стаканчика что-то похожее на шоколадный молочный коктейль.

– Я детектив-сержант Мэтью Барнс, – представляется старший, протягивая руку поверх кофейного столика. – А это мой коллега, детектив-констебль Бен Уортинг. Мы из уголовного розыска полиции Уилтшира.

Бен кивает им всем. Лорна замечает, что его взгляд задерживается на Саффи.

Сержант Барнс возвращается на свое место, а Джой суетится вокруг, усаживая женщин в кресла напротив офицеров и спрашивая, не принести ли им чая или кофе. Лорна и Саффи садятся по бокам от Роуз, которая выглядит очень маленькой в кресле с высокой спинкой и очень смущенной. Ее пальцы сцеплены на коленях, взгляд мечется между двумя мужчинами, как у испуганного ребенка. Лорна тянется к матери и берет ее за руку, чтобы успокоить. Она испытывает облегчение, когда Роуз позволяет ей это сделать.

– Мы не хотим волновать вас, Роуз, – доброжелательно начинает Барнс. – Это неформальная беседа. На данный мо-

мент мы просто собираем информацию. Мы беседуем со всеми, кто как-либо связан с этим владением.

На столе перед ним лежат папка и блокнот. Сержант открывает блокнот и снимает с ручки колпачок, приготовившись записывать.

Ее мать ничего не говорит, вместо этого смотрит вперед, потягивая чай, который Джой любезно принесла.

– Итак, для начала могу я получить некоторую информацию, Роуз? Например, дату вашего рождения?

Ее мать внезапно впадает в панику и опускает кружку на стол.

– Моя... э-э-э... Июль... нет, август... кажется, тысяча девятьсот тридцать девятого...

– Ты родилась в сорок третьем году, мама, – поправляет ее Лорна. Она поворачивается к сержанту Барнсу. – Двадцатого марта тысяча девятьсот сорок третьего года.

– Ах, да... да, сорок третий. В середине войны, знаете ли.

Ее мать делает еще один глоток чая и причмокивает губами. Лорна смотрит поверх ее головы на Саффи, которая отвечает ей встревоженным взглядом.

Это ни к чему не приведет. Как они могут продолжать расспросы, если ее мать даже не может вспомнить дату своего рождения?

– И у вас диагностировали болезнь Альцгеймера? – спрашивает сержант Барнс.

Роуз ничего не говорит, поэтому Лорна отвечает вместо

нее:

– Да, прошлым летом.

Саффи ерзает в своем кресле. Лорна замечает, что она почти не притронулась к своему стакану с водой.

– Спасибо, Лорна, – говорит сержант Барнс, кивая ей, но не улыбаясь. – Итак, Роуз, согласно моим записям, вы начали сдавать коттедж в аренду в апреле тысяча девятьсот восемьдесят первого года.

Она качает головой.

– Я... не знаю.

Он сверяется со своим маленьким черным блокнотом.

– Нам известно, что ваши первые арендаторы появились в июне тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Пара, которая снимала у вас дом в течение десяти лет. Мы уже говорили с ними. Но до этого вы жили в этом доме почти четыре года. Кто-нибудь жил с вами?

– У меня... да, я сдавала комнату.

Для Лорны это новость. Она садится прямее. Замечает, что Саффи делает то же самое.

– У вас был жилец? Мужчина или женщина? – спрашивает сержант Барнс.

– Квартирантка. Дафна... Дафна Хартолл. – Она произносит это имя почти с наслаждением, как будто не произносила его уже очень давно и теперь смакует каждый его звук.

Ее мать никогда раньше не упоминала о Дафне.

– Вы можете вспомнить, в каком году это было? – интере-

суется сержант Барнс.

– Кажется, в семьдесят девятом. Нет, в восьмидесятом. – Роуз шумно отхлебывает чай, проливая часть его на свой розовый джемпер. Саффи держит руку поближе к кружке, готовая помочь бабушке. – В последний год, когда я жила в коттедже.

– И сколько лет было Дафне?

– Она была... она была одного возраста со мной, мне кажется. Лет тридцать. Или... может быть, сорок... Я... – Ее взгляд мечется из стороны в сторону. – Я не могу точно вспомнить...

– И что с ней случилось?

– Я... не знаю. Она уехала. Мы потеряли связь.

– Вы были подругами?

– Да. Да, мы с ней дружили. – Теперь ее голос звучит недовольно. Таким же тоном она говорила с Лорной, когда та спрашивала о своем отце.

– А у кого-нибудь из вас были друзья-мужчины в то время?

Ее мать делает резкое движение, чай выплескивается из кружки и течет по ее лицу.

На лице Саффи появляется страдальческое выражение.

– Бабушка, позволь мне взять кружку, – просит она и вздыхает с облегчением, когда кружка оказывается в ее руках, а потом на столе.

– Роуз... – напоминает сержант Барнс. – К вам приходили

в гости мужчины?

Ее мать вздрагивает.

– Нет. Нет, нам было страшно... Виктор.

Лорна хмурится. Опять Виктор. Кто этот Виктор?

– Чего вы боялись, Роуз? – мягко спрашивает сержант Барнс.

– Виктор хотел навредить ребенку. – Она трогает свой мягкий живот, словно вспоминая, каково это – быть беременной.

«Она имеет в виду меня? – гадает Лорна. – Она не может иметь в виду меня. Она сказала мне, что мой отец умер до моего рождения».

Пока Лорна росла, мать проявляла излишнюю заботу о ней: настаивала на том, чтобы каждый вечер встречать ее со школьного автобуса, в то время как всем ее друзьям разрешалось идти домой самостоятельно. Мать никогда не позволяла ей забредать далеко, всегда выспрашивала, куда Лорна идет и во сколько вернется, и если она когда-нибудь опаздывала, то мать обзванивала родителей ее друзей, и это было так неудобно, что Лорна старалась неизменно возвращаться домой вовремя. Неужели причина в этом? В том, что мама боялась человека по имени Виктор?

Сержант Барнс хмурится.

– Кто такой Виктор? Вы можете вспомнить его фамилию?

Роуз качает головой.

– Это все было так давно... – Она поворачивается к Саф-

фи и говорит: – Я не хочу больше отвечать на вопросы. Я хочу посмотреть «Охоту за сделками».

– Потерпи чуть-чуть, бабушка, – ласково просит Саффи, беря ее за руку. – Осталось совсем немного, да, детектив?

Сержант Барнс кивает.

– Еще пара вопросов, прошу вас, Роуз. Вы можете вспомнить что-нибудь еще о Викторе? Он когда-нибудь приходил в коттедж?

– Нет. Я не знаю. Я... – Она часто моргает. – Я не могу вспомнить.

– Можете ли вы рассказать мне что-нибудь еще о Дафне?

– Нет. Как я уже сказала, она жила в коттедже со мной некоторое время. Год, кажется. А потом уехала. Переехала. Да... да, она переехала.

– А были ли у вас другие жильцы в то время?

– Нет. Ах, да, да, была одна. До Дафны. Но она прожила недолго.

– Вы можете вспомнить ее имя?

– Нет...

Сержант Барнс тяжело вздыхает.

– Ясно. Что ж, нам придется выяснить это. А вы никогда не видели, чтобы в коттедже кто-нибудь пострадал?

– Джин ударила ее по голове.

Сердце Лорны сжимается. Сержант Барнс смотрит на своего коллегу, а затем снова на мать Лорны.

– Джин? Кто такая Джин, Роуз?

– Джин ударила ее по голове, и она больше не встала.

Сержант Барнс ставит ноги ровно, лицо его ничего не выражает, но Лорна видит, как подрагивают от волнения уголки его рта.

– Джин ударила по голове Дафну?

– Нет.

– Тогда кого?

На лице матери мелькает замешательство. Она выглядит усталой, вокруг глаз темные круги.

– Я не знаю.

– Думаю, с моей матери уже достаточно, правда? – встречает в допрос Лорна. Ей кажется, что происходящее – это какая-то ошибка. Как можно верить всему, что говорит ее мать?

Сержант Барнс кивает, признавая свое поражение.

– Хорошо. – Он поворачивается к Лорне: – Но если ваша мать вспомнит что-нибудь еще, что-нибудь, каким бы незначительным это ни казалось, пожалуйста, сообщите нам.

* * *

Лорна стоит в коридоре и смотрит, как Саффи и Джой сопровождают ее мать в комнату дневного отдыха. Роуз рассуждает о сериале «Охота на сделки», и, даже когда она сворачивает за угол, Лорна все еще слышит ее голос, в котором даже спустя столько лет сквозит сильный акцент кокни. По-

хоже, что особого вреда этот допрос не причинил, но Лорна все еще зла на сержанта Барнса. Она хочет высказать ему все, что думает.

Лорна стоит в коридоре, пока он не выходит из комнаты, Бен Уортинг идет следом. Она забрасывает сумочку на плечо и делает шаг к ним.

– Это действительно было необходимо? Она старая женщина с деменцией, черт возьми! Надеюсь, вы не восприняли всерьез ее болтовню о каких-то Викторе и Джин? Она не в своем уме, вот и все. Она сама не знает, что говорит.

Сержант Барнс, похоже, ошеломлен ее вспышкой.

– Мы должны опросить всех, кто жил в коттедже в тот период, – спокойно говорит он. Она не может себе представить, чтобы он когда-нибудь повисил голос. – Это серьезное преступление, и нам нужно собрать как можно больше информации. Но да, я понимаю, что у Роуз деменция. Я не буду принимать все, что она говорит, за чистую монету. Однако в том, что она говорит, может крыться что-то важное, и я должен это расследовать – это моя работа.

– Моя мать ничего не знает. Вы сказали, что разговаривали с людьми, которые снимали у нее дом. Они прояснили что-нибудь из того, что там было?

Сержант вздыхает.

– На данный момент – нет. Но, как я уже сказал, на данном этапе мы просто пытаемся выяснить как можно больше о том, кто и когда жил в этом доме. Мы также усердно ра-

ботаем над идентификацией тел. Как только узнаем, кто они были и когда именно умерли, будет легче...

Их прерывает хлюпанье жидкости, всасываемой через соломинку, и они, обернувшись, видят констебля Уортинга, допивающего молочный коктейль. Лорна смотрит на него в упор, и ему хватает такта принять пристыженный вид.

– Встретимся в машине, шеф, – говорит он и выбегает из здания.

Шеф? Что, он в самом деле так сказал? Лорна закатывает глаза. Видимо, сержант Барнс замечает это, поскольку поясняет бесстрастным голосом:

– Он новенький. Думаю, он посмотрел слишком много серий «Суини».

Губы Лорны подергиваются, но она не дает волю смеху. Он не отделается так легко.

Она переступает с ноги на ногу. Задник одной из босоножек задевает свежую водяную мозоль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.